

ЛЮБОВЬ НА ГРАНИ НЕНАВИСТИ

ЭММА СМИТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эмма Смит

Любовь на грани ненависти

«Автор»

2025

Смит Э.

Любовь на грани ненависти / Э. Смит — «Автор», 2025

В университете, где мечты и реальность сталкиваются, Кай Картер — боец и хулиган — живет по правилам улицы. Он ненавидит Азалию Милен, девушку из нищего класса, которая, как кажется, всегда оказывается у него на пути. Их неприязнь обостряется с каждым днем, но непонятная связь между ними только усиливается. Азалия, не желая быть мишенью для его агрессии, отвечает взаимной ненавистью. Однако под слоями вражды скрывается нечто большее — чувства, которые они оба не могут игнорировать. Смогут ли они преодолеть свою неприязнь и открыть истинную природу своих чувств, или же ненависть поглотит их обоих? Погрузитесь в мир, где любовь и ненависть идут рука об руку, и узнайте, сможет ли Кай уничтожить ту, кого он на самом деле начинает любить.

© Смит Э., 2025

© Автор, 2025

Эмма Смит

Любовь на грани ненависти

Любовь на грани ненависти

Любовь на грани ненависти Emmasmit

1 глава

Глава 1. Азалия

Я слышу, как темнота в моей комнате начинает шевелиться, будто она сама дышит. Сон длинный и узкий, как коридор под землей, и в нём я одна с тем, что прячется за темнотой. Мне снится не светлая комната и улыбка мамы, а шум ремня и холодный взгляд отчима, который приходит в дом без приглашения и превращает его в место, где можно забыть, что ты человек. Но сейчас – не ночь, а полудремота – и всё ещё держится за меня тугой петлёй. Ремень висит на стене рядом с дверью в белой тени, и я знаю, что засыпать здесь нельзя. Не сегодня.

Я пытаюсь сделать ещё один вдох. Но воздух будто зашёл в угол и застрял где-то в груди. Вечер пахнет влажной бумагой и старым ладаном из соседнего дома, и я чувствую, как изнутри ломается что-то маленькое и беззащитное. В голове роятся обрывки образов: крик мамы в другой комнате, её голос, который звучит сурово и не слышит меня, и шаги отчима – тяжёлые, как удар по языку, которым ты пытаешься произнести своё имя. Я зажимаю пальцем грудь, как будто это может остановить дрожь, которая идёт из самого дна меня.

Сон снова обступает меня. Этот сон возвращается часто: тьма, ремень, его смех, холод металла на коже, и вдруг – пустота, как глухой выстрел в памяти. Я знаю, что это всего лишь иллюзия, но она выглядит слишком реальной, чтобы отделаться от неё так просто. Я пытаюсь кричать, но в горле стоит камень. Я пытаюсь двигаться, но мои руки и ноги кажутся кусковыми, сжатыми невидимой рукой, которая не хочет отпускать. В такие моменты мне кажется, что я маленькая, незначительная и неважная – как вещь в чужой комнате, которой её хозяин не замечает, потому что она слишком тихая и слишком сомневающаяся в своей силе.

Где-то рядом мать. Её шаги по коридору звучат как гром, и я думаю: вот она придёт и скажет, что всё нормально, что это был просто кошмар, что завтра будет лучше. Но она не приходит. Её голос звучит в дверной щелчке: «Меня начинают бесить твои кошмары, Азалия. Ты дашь мне выспаться?!» Она говорит это резко, как будто на сцене, где она главная актриса, ей хочется сменить репризу. Дверь хлопает. Я оказываюсь снова в темноте одной и понимаю, что моя ночь ещё далеко от конца. Я закрываю глаза и пытаюсь забыть звук её голоса, забыть тот холод, который прячет меня внутри.

Потом всё смещается. Я открываю глаза, и комната кажется не такой уж маленькой, но точно не безопасной. Я смотрю в зеркало напротив кровати и снова ищу в себе то, чего не хватает, то, что подскажет мне, как дышать правильно, как не позволить страху забрать мою жизнь целиком. Я включаю светофор света на стене и вижу своё отражение – глаза слишком красные, щеки мокрые, волосы стоят дыбом, как у зверька после ночи в клетке. Но в этом отражении есть что-то твёрдое. Я замечаю, как мои плечи постепенно опускаются, как дыхание перестаёт трястись так сильно, как мне хочется верить, что я могу выжить здесь и сейчас.

Потому что сейчас утро. Или почти утро. Время кажется другим, когда ты живёшь на грани между домом, который должен быть твоим убежищем, и местом, которое становится тюрьмой. С тех пор как умер папа, мама ни разу не обращала на меня внимания. Она вышла за человека, которого даже не знала, чтобы просто у неё был муж. Ей нужен был другой человек, рядом, чтобы дом не выглядел пустым. А мне приходится терпеть ужасное отношение моего отчима ко мне. Я не забываю этого. Никогда. Эти слова снова звучат внутри меня, как отдалённый сигнал тревоги: не забывай, не забывай, что ты пыталась просить о помощи, и тебе никто не поверил.

Я встаю. На подоконнике лежит моё укрытие на ночь – маленькая сумочка, в которую я складываю самые ценные вещи: фотографию папы, которая согревает меня, простую цепочку от бабушки, которую иногда держу в руках до предательства и забываю, как она выглядит, и, конечно, маленькую гребёнку – символ утра, когда всё ещё может измениться. Я не выхожу за пределы комнаты, но знаю, что время подумать стало давать мне шанс, который раньше казался недостижимым. Я была девятнадцать раз напугана, и каждый раз я думала: вот сейчас, вот сейчас всё закончится. Но я снова просыпаюсь в той же квартире, и всё начинается заново.

С телефоном в руке я читаю новое сообщение, которое пришло пять часов назад, и оно снова звучит как живой голос. «Азалия, у меня отличные новости – тебя приняли в университет! Ты можешь уже собираться ко мне, подруга.» Это голос Кевина – мой лучший друг, который жил здесь до того, как мне исполнилось пятнадцать. Он уехал с родителями. Как только он уехал, я осталась одна. И это разбивало меня. Я пыталась быть сильной, но не получалось. И вот я решила тоже уехать отсюда. Мама знает, и она рада послать меня из этого дома. Единственной проблемой будет мой отчим, который не захочет отпускать меня.

Сообщение греет сердце, но не снимает тревоги. Я знаю, что отъезд – не просто прогулка по парку: это риск, это смена адреса, это начало пути, который может привести меня к новой жизни или к тому, что я окажусь совсем одна в чужом городе без родной опоры. Но мысль об университете, о Чехове города, о независимости, о том, что есть кто-то, кто может поверить в меня, – всё это звучит как обещание света в конце туннеля. Я слышу голос Кевина в голове, его смех – «ты сможешь, Азалия. У тебя талант. Ты сможешь стать тем, кем хочешь» – и понимаю, что это не просто слова. Это карта, которую можно держать крепко, чтобы не потеряться в ночи.

Я встаю и начинаю закрывать окно в душевные мысли. Впереди длинный путь. Но сначала – утро, которое нужно пережить без лишних драм, без криков и слёз без причины. Я хозяйничаю на своей маленькой кровати, складываю вещи, которые, по сути, неразделимы: паспорт, справки, бутылку воды, маленькое полотенце. Я попытаюсь выглядеть так, чтобы мама не сомневалась в моих намерениях. Я не хочу подвести её, но и не хочу жить в страхе. Я знаю, что моё будущее не будет зависеть от того, какие решения принимают другие люди относительно меня. Я решаю, что моё будущее будет моим.

Я хочу забрать самую необходимую копию своих документов, немного денег, которые удалось спрятать в углу ящика, и ту вещь, которая для меня важнее всего – фотографию папы. Она напоминает мне, что не всё ещё потеряно, что он видел во мне девушку, а не просто жертву, что даже в самых темных углах где-то есть свет.

Я имею дело не только с тем, что внутри меня. Вокруг – мир, который будто заблокирован от меня, но всё же продолжает жить. Мама, вероятно, думает, что если она будет держать дом в порядке и нас в чётком графике – всё будет хорошо. Но я знаю, что это не так. В доме, где правит страх, мир невозможен. Я не хочу, чтобы мой отчим стал моим единственным воспоминанием о доме. Я хочу, чтобы моё имя снова зазвенело без дрожи, чтобы мой голос мог услышать кто-то, кто не будет прятать глаза, когда он видит меня.

Утро превращается в половину дня. Я не буду ждать, когда он снова зайдёт в комнату и начнёт говорить тяжёлым голосом, как он перекладывает слова, чтобы ранить меня. Сегодня я сделаю шаг к свободе, как бы рискованно это ни было.

Я слежу за током мыслей, записанных на бумаге в моём блокноте: «Пусть добрый путь начнётся с оврага, но не закончится на краю пропасти. Пусть путь будет долгим, но когда я приду к тебе – к университету – я скажу: я выжила. Я снова стала собой.» Эти строки, написанные вчера вечером, звучат в моём воображении как обещание.

Чувствую, как волнение наполняет меня, как искра, готовая воспламениться. Может, сегодня всё изменится. Может, это будет тот самый день, когда я перестану быть пленницей своего страха и начну строить свою жизнь заново. Я вдыхаю, собираюсь с мыслями, и понимаю:

я не одна. У меня есть Кевин, у меня есть мечта, у меня есть шанс. И даже если путь будет трудным, я готова сразиться за своё светлое будущее.

Глава 2: Азалия

Я сидела на кухне, укрывшись в своей тишине, как в тёплом одеяле. Холодный свет из окна ложился на стол, делая каждый предмет вокруг чужим. Мой отчим сидел напротив, ссутулившись над какими-то документами. Он допивал свой чай, и каждый его глоток звучал в тишине, как предвестие шторма – отмерял секунды до взрыва. Я старалась не шевелиться. Даже вилка в моей руке казалась слишком громкой, слишком дерзкой. Еда на столе была как что-то запретное, будто я не имела права на кусок хлеба в этом доме. Я чувствовала себя пленницей в собственном жилище, и страх сжимал грудь стальными тисками, не давая нормально дышать. Стивен перевернул страницу, нахмурился. Его глаза – обычно холодные, пустые, как мутное стекло – вдруг наполнились мрачной тенью. Он ещё раз пробежался взглядом по строкам, потом резко вскинул голову. В одно мгновение его рука взметнулась – чашка с чайным осадком со звоном полетела на пол. Звук разбивающегося фарфора разорвал тишину, как выстрел. Горячий чай брызнул по плитке, некоторые капли долетели до моих босых ног. Сердце забилося сильнее, будто пытаюсь пробить путь наружу. Я машинально съёжилась, спина вжалась в спинку стула. Его взгляд, тяжёлый и злой, впился в меня. – Что ты так на меня смотришь?! – прорычал он. Я даже не смотрела на него. Я смотрела куда-то мимо, на трещинку в стене. Но ему всегда было достаточно повода, чтобы сорваться.

Я опустила голову ещё ниже, стараясь стать незаметной, как тень под столом. Выученный рефлекс: не спорить, не отвечать, не дышать громко. В этот момент в кухню вошла мама. Она остановилась на пороге, увидела разлитый чай, осколки чашки, мою сжавшуюся фигуру и лицо Стивена, перекошенное злобой. – Стив, что произошло? – её голос был тихим, дрожащим, как будто она говорила с ядовитой змеей, боясь спровоцировать укуса. Она осторожно дотронулась до его руки, но он резко дёрнул её, будто она обожгла его. Мама отступила назад, её лицо исказилось от страха. – Почему я не знал, что Азалия переезжает в Нью-Йорк? – его голос был тяжёлым, угрожающим. В каждом слове скрежетало что-то опасное. У меня в голове мгновенно зашумело. Это был конец. Все попытки скрыть наши планы рухнули, как карточный домик. Я уставилась на документы у него в руках. Как он узнал, что в этих бумагах? Приглашение? Подтверждение поступления? Кто-то проболтался? – Что тебя смущает, Стив? – неуверенно спросила мама, пытаясь хоть как-то сгладить ситуацию. – Она же... она поедет учиться... – Ты, блять, не понимаешь??? – он почти взревел, и по моим рукам побежали мурашки. – Она уедет так далеко, и вместо учёбы будет только заниматься грязными вещами! Он произнёс это с мерзкой ухмылкой, словно наслаждаясь каждым своим словом, смакуя их. – О чём ты говоришь! – воскликнула мама, её голос сорвался. – Азалия едет туда УЧИТЬСЯ! Это её шанс, Стив! Зачем ты такое говоришь?! Он медленно повернул голову к ней, и в его взгляде было столько презрения, что воздух в комнате, казалось, стал тяжелее. – Какая мать, такая и дочь, помни, – процедил он. – Ты сама была такой. Не делай вид, что забыла. Его слова резали, как лезвие ножа. Я видела, как мама едва удерживала слёзы, её плечи мелко дрожали. – Значит, теперь я шлюха? – прошептала она, и её голос был полон боли, не защищённой ничем. – Ты та, кем я тебя назвал, – рявкнул он. – И не смей мне перечить. Ты – НИКТО. Поняла? Никто, блять. И твоя дочь – такая же. Раньше в такие моменты я будто исчезала внутри себя, уменьшалась до точки. Но сейчас внутри, под всеми слоями страха, что-то дрогнуло, вспыхнуло и начало разгораться. Пламя. Я вдруг устала быть этой точкой. Устала быть молчащей целью для чужой ненависти. Мама, не поворачиваясь ко мне, с каким-то отчаянным упрямством произнесла: – Азалия, собирай вещи. У тебя сегодня рейс в пять часов вечера. Я попрошу кого-нибудь из подруг отвезти тебя. Её слова прозвучали неожиданно твёрдо, как удар молотка. На секунду в кухне воцарилась полная тишина. А потом последовал удар.

Стивен ударил её так резко, что её голова откинулась в сторону. Она качнулась, схватилась за край стола, чтобы не упасть. Глухой хлопок его ладони о её щёку отозвался у меня внутри, как взрыв.

Это был первый раз, когда мама хоть как-то встала на мою сторону. И вместо радости я почувствовала только холодную, чёрную пустоту. Я медленно вдохнула. Потом ещё раз. И встала. Ноги подкашивались, но я заставила себя выпрямиться, поднять голову. – Стивен, – сказала я ровно, – ты уже ничего не сможешь сделать. Он повернулся ко мне, ожидая увидеть привычную забившуюся в угол девчонку. Но я впервые за все годы не отвела взгляд. Я смотрела прямо ему в глаза – в эти узкие, злые щёлки. – Что? – прошипел он. – Повтори. – Я. Сказала. Ты. Уже. Ничего. Не. Сможешь. Сделать, – отчеканила я, чувствуя, как с каждым словом у меня растёт внутри странная, незнакомая сила. – Ты, сука, кто такая, чтобы со мной так разговаривать?! – он шагнул ко мне, но я не отступила. – Я та, которой ты годами вытирал ноги, – ответила я хрипло, но твёрдо. – Но сегодня всё закончилось. Я уже поступила в университет. Если я не появлюсь там вовремя, я позвоню Кевину. И он отправит сюда полицию. За ограничение прав, за угрозы, за побои. С восемнадцати лет я сама решаю, где мне жить и что делать. И ты это прекрасно знаешь. Его рука, всё ещё вздрюнутая после удара по маме, замерла. Я впервые видела в его глазах не только ярость – там мелькнуло что-то похожее на растерянность и понимание. Он был злым, грубым, жестоким – но не совсем глупым. Он ЗНАЛ, чем это может для него обернуться. Мама смотрела на меня широко раскрытыми глазами, словно впервые видела во мне не ребёнка, а кого-то другого – взрослую. Сильную. Способную защищаться.

Стивен медленно присел на корточки рядом со мной, приблизившись так, что я чувствовала его тяжёлое, неприятное дыхание. – Слушай сюда, дрянь, – прошипел он, упираясь ладонями в пол. – Едь куда хочешь. В свой ебанный Нью-Йорк, в чёртову Америку, на край света. Но чтобы я больше тебя тут не видел. Никогда. Ты меня поняла? Я молчала, глядя на него сверху вниз. – И запомни, – продолжал он, губы скривились в звериной усмешке, – ты НИКОГДА не получишь ни от меня, ни от своей матери ни цента. Выросла, да? Такая самостоятельная? Вот и будешь бегать и ЗАРАБАТЫВАТЬ себе сама. Как все эти... – он сплюнул в сторону. – Это твой выбор. Что-то в его голосе говорило, что он хочет меня этим унижить, сломать – лишением денег, лишением «поддержки». Но эта угроза прозвучала для меня не как приговор, а как освобождение. – Замечательно, – ответила я холодно. – Ты и так никогда мне ничего не давал. Если и кидал купюру, то потом забирал обратно, как кость, которую можно у собаки отнять. Так что не утруждайся, Стивен. Я не рассчитывала на тебя ни вчера, ни сегодня, ни завтра. И да – я буду зарабатывать себе сама. И по крайней мере знать, что это МОИ деньги, а не подачки от человека, которого я презираю. В его глазах сверкнула ярость, смешанная с обидой – его укололи по самолюбию. Он резко выдохнул, выпрямился, развернулся и ушёл, хлопнув дверью так сильно, что стекло в раме дрогнуло. Я ещё секунду стояла, прислушиваясь к гулкому эху удара двери. Потом выпрямилась ещё чуть больше. Спина перестала быть согнутой. Я почувствовала, как внутри меня вместо страха впервые в жизни поселилось чувство – не полной, но всё же – свободы. – Спасибо, – тихо сказала я, глядя на маму. Она смотрела на меня с каким-то странным, смешанным взглядом – страх, вина, злость, растерянность. – Я это сделала не ради тебя! – вспыхнула она, голос сорвался на крик. – Я просто хочу, чтобы ты ушла и НИКОГДА не вернулась. Ты видишь, в каком состоянии наши отношения со Стивом, Азалия? Ты видишь, до чего всё дошло?! Я даже не сомневалась. Конечно. Опять я виновата. – Я уеду, – сказала я спокойно. – И, возможно, ты действительно больше никогда меня не увидишь, мама. Я искренне надеюсь, что ты будешь счастлива со своим мужем. Впервые за всё это время я не пыталась её переубедить, не просила понять, не оправдывалась. Я просто сказала – и точка. Мне не нужно было её благословение. Я забирала только себя. Я пошла в комнату за чемоданом, и каждый мой шаг по коридору был твёрдым. Я складывала вещи внимательно, не хаотично, а будто собирала новую жизнь по кусочкам: одежда, документы, несколько книг, телефон, наушники. «Я лучше

просижу четыре часа в аэропорту, чем ещё хотя бы минуту побуду в этом доме», – подумала я, застёгивая молнию чемодана. И впервые эта мысль не пугала, а успокаивала. ***

Киара заехала за мной ровно в тот момент, когда я закончила сборы. Я спустилась вниз с чемоданом, и влажный воздух улицы показался мне чище, чем когда-либо. Машина подъехала к подъезду, и я увидела её – Киара высунулась из окна, махнула мне рукой. На её лице была та самая улыбка, от которой становилось легче дышать. – Привет, Азалия! – воскликнула она, выскакивая из машины, чтобы помочь с чемоданом. – Ты готова к новому началу? Нью-Йорк – это просто потрясающе! Её голос был наполнен радостным волнением, и на его фоне мой дом за спиной казался ещё мрачнее и холоднее. – Более чем, – ответила я, бросив последний взгляд на окна квартиры. Ни одно из них не выглядело как «дом». Просто бетонная коробка, где я оставляю свои страхи. Мы загрузили чемодан в багажник и сели в машину. Как только двери захлопнулись, я почувствовала, будто между мной и прошлой жизнью образовалась невидимая стена. Киара завела двигатель, включила музыку, и мы выехали со двора. – Ты даже не представляешь, как там классно! – сразу заговорила она, словно боясь оставить меня наедине с мыслями. – Эти высотки, яркие огни, толпы людей – там жизнь кипит круглосуточно. Ты обязательно влюбишься в этот город, вот увидишь! Я смотрела в окно, где знакомые дома сменялись магазинами, остановками, дорогими чужими машинами. И её слова становились фоном к моим мыслям. Но этот фон был светлым. – Представь, – продолжала она, размахивая одной рукой, – ты идёшь по Манхэттену. Вокруг небоскрёбы, такие высокие, что кажется, будто они подпирают небо. Стёкла сияют, всё в огнях... Ты реально чувствуешь, что находишься в центре мира. Я попыталась представить. Я – не на этой кухне, не под его криками, не под мамиными обвинениями. Я – в городе, где никто не знает, кто я. – А ночью там просто сумасшествие, – мечтательно улыбнулась Киара. – Таймс-сквер вся в экранах, рекламных щитах, всё сверкает. Ты стоишь среди тысячи людей, слышишь десятки языков, и в какой-то момент понимаешь, что ты часть чего-то огромного. И в этом огромном мире тебе не нужно ни у кого спрашивать разрешения жить. Я невольно улыбнулась. Эта мысль – не просить разрешения – была для меня новой. – И там столько всего интересного! – не унималась она. – Центральный парк – это отдельная вселенная. Огромное зелёное сердце города. Представь: небоскрёбы вокруг, а ты сидишь на траве, слушаешь уличных музыкантов. Осенью там листья как из фильма – жёлтые, оранжевые, красные. Вокруг бегуны, собаки, люди с кофе... – Звучит... как другой мир, – сказала я. – Так и есть, – кивнула она. – Другой, где тебе не надо каждый день ждать, когда кто-то кинет чашку об пол. Я сглотнула. Она знала достаточно, чтобы понимать. Но не переборщила с жалостью – и за это я была ей благодарна. – Ты сможешь ходить в музеи, – продолжала она, – Метрополитен, МоМА... Там картины, скульптуры, о которых мы только в учебниках читали. Ты сможешь просто зайти в маленькую галерею на углу, а там – выставка какого-нибудь сумасшедшего художника. И всё это – в шаговой доступности от тебя. Я слушала её и постепенно чувствовала, как тяжесть в груди становится чуть легче. Как будто с каждым её словом кто-то незаметно приоткрывал окно в комнате, полной дыма. – Кофейни, – добавила Киара, улыбнувшись. – О, ты влюбишься в кофейни Нью-Йорка. Там в каждой – своя атмосфера. Где-то играют джаз, где-то сидят люди с ноутбуками, пишут сценарии, книги, проекты. И никто не орёт на них, что они «никто» и «ничего не добьются». Наоборот – там странно, если ты ни над чем не работаешь. – Подходит мне, – тихо сказала я. – Я как раз собираюсь что-то из себя сделать. – Вот и прекрасно, – ответила она. – У тебя всё получится, Аз. Ты даже не представляешь, как сильно ты изменилась, пока готовилась к этому шагу. Ты уже не та девочка, которая молчит и терпит. Я посмотрела на неё. В её словах не было пустого утешения. Они звучали твёрдо, как факт. – Ты ведь не пожалеешь об этом, правда? – спросила она, уже подъезжая к аэропорту. – Вернуться ты всегда успеешь. Но я очень надеюсь, что не захочешь. – Нет, – ответила я. – Я уверена, что это будет лучше, чем здесь. Даже если будет трудно – это хотя бы будет МОЯ трудность. Аэропорт встретил нас людским гулом, запахом кофе, суетой чемоданов и голосами

из динамиков. Я шла, вцепившись в ручку своего чемодана, и чувствовала, как каждый шаг уводит меня всё дальше от той квартиры, от той кухни, от его крика. Мы сдали багаж, прошли регистрацию. Киара помогла мне разобраться с посадочным. Потом мы стояли у входа в зону досмотра. – Напишешь мне, как приземлишься, – сказала она строго. – И видеоними, как выйдешь из аэропорта. Я хочу увидеть твоё лицо в этот момент. – Обещаю, – кивнула я. – Спасибо, что была со мной. Если бы не ты... – Если бы не ты, – перебила она мягко, – этого бы всего не было. Ты сама это сделала. Ты сама встала и сказала ему всё в лицо. Это ты себя вытащила, Аз. Я обняла её. Обняла крепко, по-настоящему. И в этот момент поняла, что, даже уезжая, я не ухожу в полную пустоту – у меня есть люди, которые верят в меня. Самолёт набирал высоту, а я смотрела в иллюминатор, как родной город уменьшается, превращается в карту, а потом – в пятно. Где-то там остался Стивен, его крики и разбитая чашка. Где-то там осталась мама, которая не смогла выбрать меня, но на секунду всё-таки попыталась. Я больше не могла на это повлиять. Но могла – на то, что будет дальше. Полёт тянулся, но мне казалось, что я лечу не просто над океаном – я лечу из одной реальности в другую. Я представляла Нью-Йорк всё ярче: Я выхожу из аэропорта Кеннеди или Ла-Гуардия, а навстречу мне – влажный, плотный воздух, в котором смешаны запахи керосина, города и чего-то нового. Такси, жёлтые машины, гудки, диспетчеры, крики, чемоданы. Я сажусь в машину, называю адрес университета. Таксист кивает, включает счётчик, и мы едем по ночным шоссе, где вдали уже виден огненный силуэт Манхэттена. И вот – Нью-Йорк: Город, который не спит. Город, где небоскрёбы рассекают небо, а огни отражаются в стёклах так, будто вокруг миллион маленьких солнц. Я иду по улице, и никто не кричит на меня за то, как я смотрю. Никто не называет меня «никто». Людям, спешащим мимо, всё равно, откуда я и какую чашку кто-то швырял в мои ноги. Для них я – просто ещё один человек. И в этом – удивительная свобода. Толпы людей, огромные экраны, яркие рекламные щиты. Шум такой, будто город сам с тобой разговаривает – не унижает, не давит, а будто предлагает: «Смотри, вот столько всего. Выбирай». Я стою посреди этого света, моё лицо подсвечено сотней разных огней, и в голове только одна мысль: «Я вырвалась». – Нью-Йорк... Надеюсь, ты готов. Потому что я – да.

Глава 3

Глава 3: Азалия

Я стою лицом к университету, и сердце колотится так громко, что кажется, его слышит весь Нью-Йорк. Передо мной – NYU. Мой NYU. Самый престижный университет страны, о котором я читала в интернете ночами, смотрела видео, рассматривала фотографии кампуса и всегда думала: «Это не для таких, как я». А теперь я здесь. На тротуаре, перед высоким старинным зданием, которое выглядит как из фильма, а не из моей жизни. Величественные корпуса тянутся вверх, стекло, камень, линии, арки – всё кажется слишком реальным и одновременно нереальным. Как будто я во сне. В груди щемит: мечта, которая так долго была где-то далеко, за толстой стеной реальности, вдруг стала осязаемой. Я делаю вдох, но воздух словно застревает где-то в горле. «Я правда здесь...» – думаю я, чувствуя, как к глазам подступают слёзы. От радости. От страха. От того, что я больше не там, где была. И не знаю, куда приведёт меня это «здесь».

Вдруг сзади меня кто-то крепко обхватывает руками. Я вздрагиваю так, будто меня ударили током, и резко вскрикиваю, уже готовая вывернуться и дать по лицу. – Ты так повзрослела, Аза! – раздаётся смеющийся, до боли знакомый голос у самого уха. Я замираю. Сердце делает скачок, и мир как будто переключается в замедленный режим. Кевин.

Я резко оборачиваюсь, буквально вырываясь из его объятий, и смотрю на него. И не узнаю. И всё-таки узнаю. Он стал выше. Намного выше. Его плечи теперь широкие, спина прямая, челюсть чёткая, скулы резкие. Волосы чуть длиннее, чем раньше, слегка растрёпанные, будто ветер специально уложил их идеально небрежно. Глаза – те же. Тёплые. Зелёные. Мои

любимые зелёные глаза из детства. «Это... Кевин?» – пронзает мысль. – Я... – у меня перехватывает дыхание. – Кев? Это правда ты?

Он улыбается, и в этой улыбке всё моё детство, Индиана, запах старого дерева в школе, наши общие тайны, смех до колик в животе. Его взгляд скользит по моему лицу так внимательно, что мне становится неловко. – Кто же ещё, Азка? – тихо произносит он, и это забытое прозвище больно и сладко царапает сердце. Я чувствую, как мои щёки вспыхивают. Я бросаюсь к нему и обнимаю. Обнимаю так, будто боюсь, что он исчезнет, если ослаблю руку хоть на секунду. – Я так рада тебя видеть! – выдыхаю я ему в плечо, вдыхая его запах – что-то тёплое, с нотками мужского парфюма, совсем не того подросткового одеколona, который был раньше. – Не так сильно, как я, – шепчет он мне в волосы почти неслышно, но я всё равно улавливаю. И сердце делает еще один опасный кувырок. Он обнимает меня крепче, дольше, чем это принято между «просто друзьями». Его руки чуть дрожат, и я внезапно понимаю, что он тоже нервничал. Что он ждал этой встречи не меньше меня. Может... даже больше? Я отстраняюсь первая, потому что боюсь, что если не остановлю себя сейчас, то могу остаться в этих объятиях навсегда. – Ты так изменился, – говорю, пытаюсь ухмыльнуться легко, будто у меня внутри не бушует ураган. – Стал... высоким. И... взрослым. – А ты – красивой, – спокойно отвечает он, будто это очевидный факт. Я сглатываю. – Перестань, – бормочу я, отворачиваясь. – Я после самолёта, как зомби. Он внимательно смотрит на меня, так, будто изучает каждую черту. – Даже как зомби ты выглядишь лучше половины Нью-Йорка, – говорит он тихо, без тени шутки. Я делаю вид, что не слышала. Иначе мне придётся провалиться под землю. – Пойдём, Аза, – с некоторым усилием отвлекается он. – Ты должна познакомиться с местом, где будешь учиться шесть лет. – Шесть лет... – повторяю я, и это звучит как что-то огромное и пугающее. – Надеюсь, я вообще выдержу первые шесть дней. – Выдержишь. Я с тобой, – быстро отвечает он, и в его голосе слышится такая твёрдость, что внутри становится чуть спокойнее. – Я обещал, помнишь? Конечно, я помню. Его сообщения, его звонки, когда я плакала ночами, что не поступлю, что не смогу, что мечты – для других. Мы идём бок о бок по аллее, ведущей к университету. Восхищённый взгляд цепляется за всё: высокие окна, ровные ряды деревьев, разноцветные рюкзаки студентов, которые уже кажутся мне какими-то «настоящими взрослыми из другого мира». Здание – восьмиэтажное, огромное, как дворец. Стекло, камень, лестницы, балконы. Оно слишком красивое, чтобы быть просто местом, где садятся за пары. Это больше похоже на замок из сказки, только здесь вместо магии – знания. Хотя какая разница? Для меня это сейчас одно и то же. – Впечатляет? – спрашивает Кевин, внимательно наблюдая за моей реакцией. – Это... – я медленно качаю головой. – Я словно попала в фильм. Или в сон. Как будто сейчас проснусь в своей комнате в Индиане, и всё исчезнет. Он подходит чуть ближе, склоняется ко мне и шепчет: – Если и сон, то я точно не хочу, чтобы ты просыпалась без меня. Я чувствую, как по спине бегут мурашки. Делаю вид, что просто рассматриваю здание. Мы заходим на территорию через калитку, и мой взгляд сразу цепляется за огромное футбольное поле. Ровный зелёный газон, белые линии, скамейки. Я представляю, как здесь собираются студенты, кричат, поддерживают свои команды, сидят, смеются, ругаются, обсуждают экзамены и отношения. Чужие жизни, в которые я вдруг попала как новая героиня. – Ого... – вырывается у меня. – Это всё... наше? – Наше, – мягко повторяет Кевин. – Теперь это и твоё тоже, Аза. Мне нравится, как он это говорит. «Наше». Как будто мы всё ещё «мы», как раньше. Не я отдельно и он отдельно, а вместе. Мы идём через поле, и я замечаю впереди странную стеклянную дверь. Она настолько чистая и блестящая, что в ней отражается небо. Но нет ни ручек, ни кнопок – ничего. Я останавливаюсь и, нахмурившись, смотрю на неё. – Как открыть эти двери? – спрашиваю я, чувствуя себя немного глупо. Кевин начинает смеяться, уверенный, что я шучу. – Ха-ха, очень смешно, Аза... Я поворачиваюсь к нему с абсолютно серьёзным лицом. Он замирает. – Ты это серьёзно? – растерянно спрашивает он. Я молча киваю, чувствуя, как меня злит сама идея, что это должно быть «очевидно для всех нормальных людей». – Я же из Индианы, а не из

будущего, – бурчу я. Он улыбается шире, но в глазах появляется какая-то особая мягкость. Без насмешки. – Иди сюда, деревенская девчонка, – тихо говорит он и, неожиданно для меня, берёт меня за руку. Его пальцы горячие, ладонь широкая, крепкая. Он переплетает наши пальцы так, будто это самое естественное движение в мире, и тянет меня к двери. Я делаю шаг, второй, и в тот момент, когда мы подходим достаточно близко, дверь внезапно разъезжается в стороны сама. – Как?! – я в буквальном смысле подпрыгиваю. – Она... она сама... это что, магия? Кевин смеётся, не отпуская моей руки. – Это автоматическая дверь, – объясняет он. – Здесь сенсоры, реагирующие на движение. Если ты поднесёшь даже руку, она откроется. Я фыркаю и качаю головой. – Ну конечно, – ворчу я. – В отличие от Индианы, Нью-Йорк явно живёт в двадцать пятом веке. – Ты просто попала в цивилизацию, – дразнит он. – Я тебя всему научу. Обещаю. Он произносит это так серьёзно, что я украдкой смотрю на него сбоку. Почему у меня такое чувство, что он говорит не только о дверях? Внутри нас встречает настоящий поток людей. Шум, голоса, звонки телефонов, смех, шаги. Всё смешивается в один гигантский живой шум, как река, мощная и бурная. Я ощущаю, как эта река меня подхватывает. – Здесь всегда так... многолюдно? – шепчу я, сжимая мой пакет с документами чуть сильнее, чем нужно. – Сейчас особенно, – отвечает Кевин. – Это неделя зачисления. Все носятся: подают документы, получают карточки, расписание. Как ты. Я цепляю его взглядом за дорогие рюкзаки, брендовую одежду, дорогие кроссовки, часы, украшения. У большинства лица уверенные, расслабленные. Они словно выросли в таких стенах. Я вдруг чувствую себя чужой. Как будто у всех здесь есть свой невидимый пропуск – не карточка, а статус. А у меня его нет. «Не смей сравнивать, – одёргиваю себя. – Ты тоже здесь. Ты не хуже». Мой взгляд цепляется за компанию девушек. Одна – в центре внимания. Высокие шпильки, короткая синяя юбка, белоснежная рубашка, дорогая сумка, светлые волосы, идеально уложенные крупными локонами. Она выглядит так, будто вышла с обложки журнала. – Кэти, послушайте меня, прошу, ничего не говорите отцу, мы уладим дело с карточкой, – торопливо бормочет девушка из администрации рядом с ней. – Я же говорила вам, что не хочу, чтобы эта фотография была на моей карточке! – громко, раздражённо перебывает блондинка и закатывает глаза. Она поворачивается так резко, что её волосы красиво разлетаются, и уходит от стойки, её каблуки стучат по полу как выстрелы. За ней тенью идут четыре другие девушки – словно её личная свита. «Богатые дети», – мысленно говорю я, и во мне смешиваются лёгкая зависть и лёгкая брезгливость. У них всё так будто просто. Им можно кричать, требовать, возмущаться. А я боюсь даже спросить лишний вопрос. – Это Кэти Ройанс, – объясняет Кевин, заметив, что я смотрю им вслед. – Кто? – переспрашиваю я. Его лицо слегка мрачнеет. – Так скажем, официальная сука университета, – холодно произносит он. – И, по слухам, девушка Кая. – Кая? – удивлённо повторяю я. – Это ещё кто? – Тот, о ком тебе лучше было бы никогда не знать, – сухо отвечает Кевин, и его пальцы на моём локте чуть сжимаются. – Он самый жестокий, опасный парень в университете. И, к сожалению, трогать его никто не может, потому что его отец владеет этим местом. Поэтому все боятся не только его, но и его девушку. Не из-за денег – из-за того, что они чувствуют себя здесь хозяевами. Я прикусываю губу. – То есть... университет принадлежит отцу этого парня? – Да, – коротко кивает он. – Так что будь осторожна. Если увидишь его или её – просто держись на расстоянии. Поняла? Его голос звучит слишком напряжённо для обычного «совета». – Ты говоришь так, будто они мне вообще что-то сделают, – пытаюсь улыбнуться. – Я же даже их не знаю. – И не надо, – упрямо отвечает он. – Просто пообещай, что не будешь с ними связываться. – Ты что, ревнуешь меня к парню, которого я даже в глаза не видела? – поддеваю его. Он резко переводит взгляд на меня. – Я... – он запинается на мгновение. – Я просто не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. Едва получил тебя в этот город – уже должен думать, как тебя от всех оградить. «Получил тебя». Словно я – что-то его. Сердце делает сальто. Я отворачиваюсь, пряча улыбку. – Ладно, герой, – шепчу я. – Обещаю. Буду держаться подальше от злых богачей с красивыми юбками. Мы продвигаемся вперёд, и вскоре наступает моя очередь подойти к женщине за стойкой. У меня

вдруг вспотели ладони, я чувствую, как пальцы цепляются за документы. – Ваше имя? – спрашивает женщина, глядя на меня поверх очков. – Азалия Милен, – отвечаю я, и мой голос слегка дрожит. Она быстро просматривает список, находит мою фамилию, отмечает что-то в компьютере, потом начинает выдавать мне всё по очереди: ключ от общежития, карту-пропуск, распечатанное расписание. Бумаги шуршат, пластик холодит ладонь. Это всё – моя новая жизнь в виде нескольких предметов. – Распишитесь здесь, – говорит она, протягивая журнал. Я беру ручку, и в тот момент, когда ставлю свою подпись, у меня внутри что-то щёлкает. Как будто точка невозврата прошла. Всё. Я официально студентка NYU. Я подхожу к Кевину, который всё это время терпеливо ждал в стороне, не отходя далеко – будто боится, что я исчезну в толпе. – Ну? – в его голосе столько ожидания, как будто он ждал результата моего экзамена. – Всё получилось? Я поднимаю на него глаза, прижимаю к груди карточку и шепчу: – Я... студентка, Кев. Он улыбается так широко, что на секунду забываю, что вокруг много людей. В следующую секунду он неожиданно хватается меня за талию и закруживает. – Кевин! – вскрикиваю я, в ужасе, но и смеясь одновременно. – Поставь меня на место, придурок, на нас все смотрят! – Пусть смотрят, – отвечает он, не останавливаясь. – Это самая счастливая новость за последние годы. Я обязан устроить маленькое торжество. Он осторожно опускает меня на пол, но долго не отпускает, его руки ещё остаются на моей талии, будто он не хочет упускать этот момент. – Горд тобой, – тихо добавляет он, наклоняясь ко мне. – Безумно. Я отвожу взгляд; мне кажется, если он продолжит так смотреть, я забуду, как дышать. – Пойдём, подброшу тебя до общежития, – говорит он, переводя разговор в более спокойное русло. – Не отпущу тебя одну с чемоданом по этим лабиринтам. – Ты и так уже половину города со мной прошёл, – возражаю я, но слабо. – Значит, пройду вторую половину, – ухмыляется он. – У меня на сегодня одна важная задача: убедиться, что ты в безопасности, накормлена и не плачешь. Всё остальное – ерунда. Мы выходим на улицу. В воздухе пахнет городом – смесь асфальта, кофе, еды с уличных фургончиков, выхлопов машин. Нью-Йорк шумит и живёт, как будто специально демонстрируя мне: «Смотри, вот твой новый дом». Я ловлю себя на мысли, что впервые за долгое время не чувствую груза на груди. Впервые чувствую... свободу. Зайдя в общежитие, я замираю. Я ожидала увидеть скучный коридор, старые стены и дешёвую мебель. Но всё выглядит так, будто я вошла в отель. Светлый мраморный пол, аккуратный ресепшен, мягкие кресла, цветы в вазах, большие окна. – Ты уверена, что это не четырёхзвёздочный отель? – шепчу я. – Я же говорил, NYU не экономит на впечатлении, – усмехается Кевин. У входа он останавливается. – Дальше мне нельзя, ladies only, – кивает он на табличку. – Но если кто-то там будет на тебя орать, знай – я жду снаружи, чтобы их морально уничтожить. – Ты уже всё за меня решил, да? – вздыхаю я, но в голосе больше тепла, чем недовольства. Он вдруг становится серьёзным. – Я рядом, Аза, – говорит он. – Если что-то будет не так – звони. Ночью, утром, хоть в три часа. Я приду. Я Просто киваю. – Мы ещё увидимся до начала учебы? – спрашиваю я. – Или это была последняя экскурсия от личного гида? – В среду, – уверенно отвечает он. – Встретимся в кампусе. Я покажу тебе ещё пару секретных мест. Будем тренироваться открывать автоматические двери. – Очень смешно, – фыркаю я, но внутри уже жду этой среды. – Ладно... До встречи. – До встречи, Азка, – тихо говорит он, и его взгляд задерживается на мне чуть дольше, чем просто «по-дружески». Я отворачиваюсь и иду к ресепшену, чувствуя на себе его взгляд до последней секунды. И только когда поворачиваю за угол, позволяю себе выдохнуть. Я подхожу к женщине за стойкой и протягиваю документы. – Добрый день. Заселение, – говорю я. Она берёт бумаги, просматривает их и, сверившись с компьютером, поднимает на меня доброжелательный взгляд. – Азалия Милен, 402 номер, 4 этаж, – сообщает она. – Можете воспользоваться лифтом или лестницей. Лифт слева, лестница чуть дальше по коридору. – Спасибо, – киваю я, чувствуя лёгкое волнение, снова поднимающееся волной. Я иду к лифту. Каждый шаг отдаётся в груди стуком сердца. Нажимаю кнопку, двери почти сразу открываются, будто лифт ждал только меня. Я вхожу, смотрю на светящиеся кнопки и нажимаю «4». «Сейчас я увижу

свою комнату. Своих соседок. Это будут люди, с которыми я, возможно, проведу ближайшие годы. Может, они меня возненавидят. Может, наоборот. Может, я буду сидеть одна по вечерам. Или мы будем пить чай и болтать до утра. Чёрт, хватит думать». Двери открываются, и я выхожу на длинный коридор. Белые стены, мягкий ковёр, ряды дверей с табличками. Пахнет чем-то свежим, чистым и слегка парфюмом. Я иду, считая таблички: 396... 398... 400... – 402, – шепчу я и останавливаюсь. Сердце бьётся, как будто я собираюсь не в комнату войти, а на сцену перед тысячей человек. Я вставляю ключ в замок, поворачиваю, определённый щелчок – и дверь медленно открывается. Внутри – светлая комната с тремя кроватями. Две уже заняты: чемоданы, вещи, подушки, какие-то мелочи. На третьей – пусто. Место, предназначенное для меня. Две девушки оборачиваются ко мне почти одновременно. Одна – блондинка, с длинными прямыми волосами, в светлой футболке и джинсах, с открытой, живой улыбкой. Вторая – с каштановыми волосами до плеч, аккуратными чертами лица и спокойным, чуть застенчивым взглядом. У меня пересыхает во рту. Блондинка вдруг встаёт, делает пару шагов ко мне и расплывается в улыбке: – Привет! Я Дина, а ты? – Я... – я запинаясь, затем заставляю себя улыбнуться. – Я Азалия. – Красивое имя, – легко говорит она и, к моему удивлению, забирает у меня из рук мой маленький чемодан. – Это, думаю, твоя кровать. – Она ставит его на свободную кровать. – Располагайся. Добро пожаловать в наш маленький хаос. Я невольно улыбаюсь. От неё исходит какое-то тёплое, лёгкое, дружелюбное настроение. С ней сразу становится чуть проще дышать. Вторая девушка плавно поднимается с кровати и подходит чуть ближе, но не так резко, как Дина. В её движениях есть осторожность. – Это Лилиана, – представляет её Дина. – Она тоже недавно поступила, поэтому немного стесняется. Но на самом деле она очень милая. Правда, Лили? Лилиана слегка краснеет и улыбается. – Привет, Азалия, – мягко произносит она. – Можно просто Лили. Ты... в первом курсе, да? – Да, – киваю я, ощущая, как волнение внутри понемногу отступает. – Только сегодня всё получила. – Какой факультет выбрала? – интересуется она, чуть наклоняя голову. – Экономику, – отвечаю я. В её глазах вспыхивает искорка. – Серьёзно? Я тоже! – радостно говорит она. – Как здорово, что мы будем вместе. Я уже успела подумать, что буду одна там среди старшекурсников, и никто не захочет со мной говорить. – У нас уже мини-команда, – вмешивается Дина. – Я на другом факультете, но это не мешает мне быть главным генератором хаоса. – А ты на каком? – спрашиваю я, ставя рюкзак на кровать. – Дизайнер, – ухмыляется она. – Так что если кто-то из вас начнёт сходить с ума из-за экзаменов, я первая это замечу. Я смеюсь, хотя нервозность всё ещё где-то глубоко внутри шевелится. Но становится легче. Они не выглядят злыми. Не смотрят на меня сверху вниз. Не оценивают мою одежду или чемодан. «Может... мне повезло», – осторожно думаю я. – Ты откуда, Азалия? – спрашивает Лили, усаживаясь на край своей кровати. – Из Индианы, – отвечаю я, распаковывая вещи. – Небольшой город. Здесь всё кажется... другим. – Да уж, Нью-Йорк – это другая планета, – кивает Дина. – Я сама ещё не до конца привыкла. – А ты откуда? – интересуюсь я. – Я из Чикаго, – отвечает она. – А Лили из Бостона. Так что у нас тут мини-коллекция: Индиана, Чикаго, Бостон. Прямо как начало какого-то сериала. Мы начинаем разговаривать. Сначала осторожно, задавая стандартные вопросы: откуда, почему этот факультет, что любишь, чего боишься. Потом чуть свободнее. Я рассказываю, как боялась, что не поступлю. Как ночами просматривала сайт NYU и думала, что это всё «не про меня». Лили рассказывает, как родители хотели, чтобы она пошла на юриста, а она упрямо выбрала экономику. Дина признаётся, что уже успела пару раз потеряться в кампусе и один раз чуть не зашла в мужское общежитие. Мы смеёмся. И с каждым смехом стенка между нами становится всё тоньше. Где-то в глубине души маленький голос шепчет: «Может быть, здесь ты наконец перестанешь быть чужой. Может, здесь ты найдёшь друзей. Настоящих. Может, здесь ты сможешь быть собой, не боясь». Я краем глаза смотрю на свою карточку студента, лежащую на столике. Рядом с ней вибрирует телефон – сообщение от Кевина: «Ну что, жива? Твои соседки не монстры? Если что – я готов ворваться и спасти тебя. – К.» Я невольно улыбаюсь. «Жива. Они нормальные. Спа-

сать не надо, – отвечаю я. —Спасибо, что был со мной сегодня». Через пару секунд приходит ответ: «Я ещё не заканчиваю быть с тобой, Аза. Это только начало». Я смотрю на экран, и у меня внутри становится не по себе немного. Новый город, новый университет, новые люди. Новый этап. Я поднимаю глаза на Дину и Лили, которые уже обсуждают, что будут делать вечером. И в этот момент я чётко понимаю: моя старая жизнь официально закончилась. И начинается новая. Гораздо ярче, громче, сложнее. С новыми чувствами, которые я пока боюсь признавать даже самой себе.

Глава 4

Глава 4. Кай

Блять. Я сижу и курю, наблюдая за тем, как девушки танцуют в клубе. Дым сигареты ест горло, но это единственное, что хоть немного отвлекает. Их движения игривы, соблазнительны, они трутся о мужиков, смеются, шепчут им что-то на ухо. Любой другой бы уже пускал слюни, но меня это не радует. Всё кажется пустым, фальшивым, липким. Такого дерьмового дня, как сегодня, у меня ещё не было. Музыка орёт, свет режет глаза, а в голове только одна мысль: «Да пошло оно всё нахуй». Мои «друзья» куда-то слились с девками – как всегда, только повод дай, сразу исчезают. Впрочем, им похуй на мои проблемы, да и мне на них тоже. У меня нет настроения тусоваться, ржать над тупыми шутками и делать вид, что жизнь прекрасна. Проблемы с работой только добавляют головной боли. Эти дебилы не могут нормально закрыть одну ёбаную сделку, вечно всё тянут, путают, сливают. Разбираться с придурками я даже не собираюсь лично. Для этого у меня есть люди. Если что-то пошло не так, мои ребята разберутся – как всегда. Кто-то потеряется, кто-то резко всё «вспомнит» и заплатит, кто-то просто исчезнет с радаров. Но есть один особо одарённый мудака, который должен мне огромную сумму денег, и я до сих пор не могу его найти. Уже неделя прошла, а он как сквозь землю провалился. Не понимаю, куда он так исчез. Он же знал, кому переходит дорогу. Знал, что я не прощаю. И всё равно пропал. Меня от этого просто разёбывает. Я докуриваю сигарету почти до фильтра, с злостью тушу её о пепельницу и резко встаю. Не в силах больше терпеть этот шум и притворные улыбки, выхожу из клуба. Ветер холодит лицо, стягивает кожу, и я делаю глубокий вдох, пытаюсь хоть как-то успокоиться. Холодный воздух обжигает лёгкие, но всё равно внутри всё кипит. Мне так хочется подраться и вырубить кого-нибудь с одного удара, что я еле сдерживаюсь. Челюсть сведена, кулаки сжаты до боли. Внутри меня бурлит злость, тяжёлая, вязкая, как деготь, и я не знаю, как её выплеснуть, чтобы кого-то не убить нахуй. – Кааай! Блять. Только этого мне не хватало. Голос, который я ненавижу, как собственные слабости. Кэти. Конечно. Какое дерьмо без неё обойдётся. Она идёт ко мне через толпу, заваливаясь на каблуках, но всё равно выпячивая бёдра, как будто весь мир должен на неё драть. Её сиськи чуть ли не вываливаются из топа, но это уже привычное зрелище – она всегда одевается так, будто продаёт себя, хотя ведёт себя так, будто ей все обязаны. Она обхватывает меня за шею, вешается на меня как гири, и тянется, чтобы поцеловать. Её губы липкие от алкоголя и блеска, запах дешёвых духов бьёт в нос. Ненавижу её прикосновения. Ненавижу её липкую «любовь». Ненавижу, когда кто-то считает, что имеет на меня хоть какие-то права. И самое тупое – я даже не могу сказать, что это удивительно. Я сам впустил её в свою жизнь, сам позволил ей влезть. Не знаю, нахуя я вообще связался с ней полгода назад. Скука. Секс. Удобно. Плевать. Отношения не для меня. Девушки нужны мне для одного – я никогда этого не скрывал. Спать, развлекаться, снять напряжение. Всё. Остальное – иллюзия для идиотов. Я ненавижу, когда кто-то прикасается ко мне без моего разрешения. Ненавижу, когда лезут в моё личное пространство, в мою голову, в мою жизнь. Я резко отталкиваю её от себя, с силой срывая её руки со своей шеи. – Не сейчас, – рычу, прикрывая глаза от раздражения. – Отъебись. Она на секунду обижается, губы кривятся, но тут же натягивает дурацкую улыбку, привыкла. Думает, что может меня прогнуть. Я разворачиваюсь и выхожу из клуба, не собираясь слушать её нудё-

ж. Как только я выхожу на улицу, в меня врзается кто-то. Даже не кто-то – просто маленький сгусток невнимательности. Я делаю шаг назад, взгляд сам срывается вниз. Передо мной – девушка. Она не из тех, кто сразу падает в ноги и начинает лепетать извинения. Она молчит, и это почему-то бесит меня ещё сильнее. – Ты что, блять, слепая?! – срываюсь я, голос режет по холодному воздуху. – Не видишь, куда идёшь? Она быстро поднимает голову. И меня будто на секунду клинит. Карие глаза – тёмные, глубокие, злые, как будто весь мир уже заебал её задолго до сегодняшнего дня. Пухлые губы, сейчас немного приоткрытые от удивления. Лицо растерянное, но не забитое. Есть в ней что-то... острое. Одета она просто: чёрная футболка, чёрные джинсовые шорты. Всё бюджетное, видно сразу. Никаких брендов, никакого лоска. Всё в её одежде орёт о том, насколько она бедна, насколько она не из моего круга. Но, сука, при этом она выглядит красиво. Настояще, а не как эти силиконовые куклы в клубе. Её каштановые волосы разлетаются по ветру, несколько прядей падают на лицо. Она всё ещё молчит. Стоит и смотрит на меня, как на идиота. И это меня окончательно вымораживает. – Ты мне, блять, ответишь? – шаг делаю ближе, нависая над ней. Она дёргает уголком губ, как будто сдерживает желание закатить глаза. – Не кричи на меня, – спокойно, но твёрдо отвечает она. – Это была случайность. И это ты не смотрел, куда идёшь. Нужно нормально ходить, а не выскакивать, как будто за тобой гонится кто-то. Я замираю на секунду. – Что ты только что сказала? – голос становится ниже, опаснее. – Глухой, что ли? – парирует она, даже не моргнув. Её тон – не вызывающе-игривый, как у тех, кто пытается флиртовать. Нет. Она реально мне это говорит. Честно. Уверенно. Прямо в лицо. Меня передёргивает. Я делаю шаг вперёд и резко хватаю её за запястье. Пальцы сжимают тонкую кость так, что она дёргается. Притягиваю её к себе, сокращая расстояние до минимума. Она пытается вырваться, но, блять, я почти на две головы выше, и у неё нет ни единого шанса. – Ты хоть знаешь, кто я, а? – спрашиваю, смотря сверху вниз, голосом, от которого обычно все сразу начинают мямлить и извиняться. – Мне плевать, кто ты, ясно? – отстаёт она, сверля меня взглядом. – А сейчаспусти меня, или я закричу. Я усмехаюсь. Низко, зло. – О, это будет весело, – наклоняюсь ближе к её лицу. – Кричи, сколько угодно, душе-Искорка. Её брови дёргаются. – Как ты меня назвал? – в голосе уже не просто раздражение, а сдерживаемая ярость. – Искорка, – медленно повторяю я с ухмылкой, смакуя каждую букву. – Маленькая, дерзкая искорка. Её глаза вспыхивают. Она буквально на глазах становится ярче, злее. И вдруг... Она резко наклоняется и со всей силы кусает меня за запястье. Зубы впиваются в кожу так, что я едва не рывкаю. В ту же секунду она бьёт меня коленом по паху. Боль пробивает тело вспышкой. Я на долю секунды ослабляю хватку – и этого ей достаточно. Она вырывается, разворачивается и уже идёт прочь, даже не оборачиваясь. – Больше никогда меня так не называй, – бросает она через плечо. Голос твёрдый, не дрожит. Я стою, не веря в то, что только что произошло. Она. Только что. Укусила. Меня. Меня. И ударила. И посмела мне угрожать. Внутри поднимается ярость, такая густая, что её можно резать ножом. Хочется догнать её, прижать к стене, показать, кто здесь хозяин, заставить её понять, с кем она связалась. Но где-то глубоко под этой яростью шевелится что-то ещё. Что-то мерзкое, тёплое и опасное. Смесь злости и... восхищения. Она не такая, как все. И это раздражает меня ещё больше. – Я дам уйти тебе, Искорка, – шепчу я, глядя ей в спину, пока она растворяется в толпе. – Но я найду тебя. И тогда мы будем играть по моим правилам. Не перепутаешь. Вернувшись домой, я чувствую, как напряжение постепенно уходит, но не до конца. Особняк встречает тишиной и полумраком. Здесь нет никого, кто бы меня заёбывал, и это единственное место, где я хоть немного могу дышать. Я сажусь на диван, откидываюсь на спинку и наливаю себе бокал вина. Красное, густое, крепкое. Я не люблю сладкое говно – мне нужно то, что обжигает и оставляет послевкусие. Каждый глоток я ощущаю медленно, будто тяну время. Вино спускается по горлу, слегка жжёт, и я чувствую, как голова становится тяжелее, но мысли – яснее. И, как назло, в голове только одно лицо. Та самая девчонка. Её карие глаза, в которых вместо страха – огонь. Её дерзость, её язык, её упрямство. Как она смотрела на меня, будто я не Кай, которого

здесь бояться, а просто какой-то придурок, мешающий ей пройти. Что за херня? Почему она так засела в моей голове? Почему её образ не вылетает, а только сильнее впечатывается с каждым глотком? Я никогда не позволял никому так с собой разговаривать. Никому. Обычно одного моего взгляда достаточно, чтобы люди начинали заикаться. Но с ней всё было по-другому. Она не прогнулась. Не испугалась. Не стала юлить. Искорка. Я усмехаюсь сам себе, чувствуя, как уголок губ поднимается. Звучит по-детски. Смешно. Но по-другому её назвать не получается. Маленькая, наглая искра, которая вдруг попала прямо в бензин, залитый внутри меня. С каждым глотком вина я начинаю понимать неприятную вещь: возможно, мне как раз этого и не хватало – вызова. Не тупых девиц, готовых на всё за одно моё внимание, не трусов, соглашающихся со всем, что я говорю. А кого-то, кто смотрит прямо в глаза и говорит: «Мне на тебя похуй». Я хочу знать её лучше. Хочу узнать, что стоит за этой смелостью, что за жизнь у неё, откуда в ней столько огня. Хочу увидеть, как этот огонь ломается под моим давлением... или, может, разгорается ещё сильнее. Я допиваю остатки вина залпом, ставлю бокал на стол так, что стекло звенит. В голове крутится одна мысль: Я найду её. Нахуй то, что это «случайность». Нахуй то, что мир большой. У меня есть люди, деньги, связи. Если я кого-то хочу найти – я найду. И когда я снова увижу эту Искорку... Тогда игра начнётся по-настоящему. На следующий день я просыпаюсь с тяжёлой головой. Похмелье долбит виски, как молотком. Горло сухое, глаза режет. Но это не останавливает меня. У меня тренировка. А футбол – единственное, что реально помогает мне вырубить мысли. Там нет эмоций. Только мяч, поле и адреналин. Там я могу выплеснуть всё, не загремев за решётку. Набрасываю спортивную форму, быстро умываюсь ледяной водой. В зеркало смотрит уставшее, злое лицо. Чёрные круги под глазами, сжатая челюсть. На секунду задерживаю взгляд. Внутри всё ещё бушует злость. На этого должника, на Кэти, на тупой клуб, на девушку, которая посмела меня укусить и уйти, как будто я никто. И больше всего – на себя. Выходя из дома, я решаю: сегодня никто не встанет у меня на пути. Любого, кто попытается, я просто снесу нахуй. На поле всё как обычно: шум, крики, разминка, пот. Запах травы, пота, резины от бутс. Это единственное место, где всё понятно. Здесь либо ты сильнее – либо тебя выносят. Мои друзья Лео и Берт уже ждут меня. Лео – нападающий, вечно с дурацкой широкой улыбкой, будто жизнь – это большой праздник. Он всегда что-то шутит, смеётся, строит планы. Не понимает, что мир – это не поле и не его грёбанный стартап, а грязь и кровь. Берт – защитник. Крепкий, как каменная стена. С ним можно идти в драку, он не сдаст. Молчит больше, чем говорит, но если уже что-то сказал – значит, это важно. С ним у меня хотя бы нет ощущения, что меня заёбывают. – Эй, Кай! – орёт Лео, машет рукой, как идиот. – Готов к тренировке? Надеюсь, ты не слишком уставший после вчерашнего! – Заткнись, – отрываюсь я хмуро. – Играть буду – вот и радуйся. Он только смеётся, как всегда, не воспринимая всерьёз мой тон. Тренировка идёт в обычном бешеном ритме: бег, удары, передачи, отборы. Я выжимаю из себя всё. Лезу в подкат там, где другие уже бы не сунулись. Врезаюсь корпусом так, что людей отталкивает, как от стены. Я не просто играю – я бьюсь. Каждый рывок, каждый удар по мячу – как удар по лицу всем тем, кто меня бесит. Я представляю на месте мяча лица должников, предателей, Кэти, этой дерзкой девчонки. И чем сильнее я бью, тем легче становится. Постепенно злость уходит в мышцы, в пот, в усталость. Вместо неё приходит чёткая, холодная концентрация. На поле мне понятно, кто я – здесь я лучший. Здесь мне не нужно ничего объяснять. После тренировки мы собираемся в раздевалке. Вода льётся из душа, кто-то орёт шутки, кто-то ругается. Разговор как-то сам собой переходит на бизнес. Лео, кроме футбола, ебётся с IT. Стартапы, приложения, инвестиции – вся эта херня, которой сейчас все помешаны. – Слушайте, ребята, – начинает он, глаза блестят, руки трутся, – у нас с командой есть охуенные новости. Мы почти закончили прототип нашего нового приложения для управления финансами. Это будет пушка! Пользователи смогут отслеживать свои расходы, получать советы по сбережениям и даже инвестировать в акции прямо с телефона. – Звучит круто, – негромко говорит Берт, натягивая футболку. – Но как вы собираетесь конкурировать с гиган-

тами типа Mint или YNAB?– Мы сделаем проще и умнее, – не сдаётся Лео. – Никакой ебли с настройками, интуитивный интерфейс, куча персонализации. Мы хотим, чтобы человек чувствовал, что приложение настроено под него, а не он под него. Я слушаю краем уха. Вроде интересно – деньги, IT, рост – но внутри нарастают раздражение и цинизм. Они рассуждают, как будто мир честный. Как будто если ты делаешь крутой продукт – тебе все аплодируют и дают дорогу. Смешно. – Да хоть золотое сделай, – бурчу я, перекидывая полотенце через плечо, – всё равно найдутся те, кто попробует наебать, украсть, кинуть. Мир не меняется только потому, что ты нарисовал красивый интерфейс. Лео закатывает глаза, но только улыбается: – Ну да, спасибо, Кай, за мотивацию. Как всегда, полный позитив. – Реализм, блять, – отрезаю я. – Позитив оставь тем, кто до сих пор верит в сказки. – Кстати, – резко меняет тему Лео, – в октябре у нас игра в Лас-Вегасе. Большой матч. Все топ-команды будут там. Надо ехать – покажем, на что способны. Лас-Вегас. Я на секунду замираю, представляя эти огни, шум казино, деньги, которые летят рекой, и людей, которые расслабляются так, как будто завтра нет. Город, где все считают себя королями, пока не встречаются настоящих хищников. – Лас-Вегас, значит? – прищуриваюсь я. – Ну, там, по крайней мере, есть, где выплеснуть лишнюю энергию. И кому показать, кто здесь главный. – Да, – подключается Берт. – Это не только матч. Там будут инвесторы, партнёры, куча возможностей для того же Лео. – А мне похуй на инвесторов, – ухмыляюсь я. – Но поехать – я не против. На поле я всё равно разнесу этих ублюдков. А заодно, может, кое-кому напомню, что со мной лучше не шутить. Мы начинаем обсуждать детали поездки – дата, отель, перелёт. Лео размахивает руками, строит планы, Берт более сдержан, но тоже заинтересован. Я чувствую, как внутри снова загорается пламя. Футбол, Вегас, шум, деньги, кровь адреналина в венах – всё это моя стихия. Я на какое-то время даже забываю о похмелье, о проблемах с должником, о Кэти. И почти – о той девчонке. Почти. Потому что как только разговор затихает, и я выхожу из раздевалки, её образ снова всплывает в голове. Карие глаза. Сжатые губы. Дерзкий голос. «Мне плевать, кто ты». Маленькая сука. Кто ты такая, чтобы так смотреть на меня? Я иду к машине, и в груди снова шевелится что-то неприятное. Непокойное. Я могу сколько угодно делать вид, что мне похуй. Могу уехать в любой город, играть, зарабатывать, трахаться, пить. Но я точно знаю одну вещь: Я не собираюсь оставлять её в покое. Она бросила мне вызов. Она зацепила меня, как никто до этого. И это меня бесит. Пугает. Задевает. Но я не тот, кто отступает. Я найду её. Вытащу из любой дыры, где она прячется.

Глава 5

Глава 5. Азалия.

Я вхожу в клуб, стараясь не привлекать внимание, но сердце колотится так, будто хочет вырваться из груди. В висках пульсирует, ладони влажные, пальцы дрожат так, что я с трудом удерживаю сумку на плече. Запах алкоголя, сладких духов и чего-то терпкого, тяжёлого, сразу бьёт в нос. Музыка глухо отзывается в груди, будто это не басы, а моё собственное сердце гремит в колонках. Только что я ударила парня... в пах. В пах, Карл! Боже, что со мной происходит? Обычно я застываю, задыхаюсь, молчу, терплю. А тут – будто кто-то внутри сорвал стоп-кран и включил режим «бей или беги». И я выбрала «бей». Перед глазами до сих пор всплывает его перекошенное от боли лицо, эти чёрные глаза, полные ярости и... удивления. Я невольно передёргиваюсь. Вдруг он зайдёт сюда? Вдруг это его клуб? Вдруг он уже рассказал всем, какая я ненормальная? Хватит, Азалия. Сейчас не время сходить с ума. Я делаю вдох, потом второй, пытаюсь поймать хоть какую-то опору внутри себя. Я здесь не для того, чтобы думать о каких-то придурках у входа. Я здесь, потому что мне нужны деньги. Потому что я в другом городе, в другой стране, и у меня нет ни папиного счёта, ни маминой «поддержки», ни Стивена, который будет швырять в меня деньги, а потом напоминать об этом до конца жизни. Всё. Я сама. И если для этого мне нужно работать ночью в клубе – значит, я буду работать ночью в клубе. Я быстро подхожу к барной стойке, стараясь скрыть смущение. – Я по объявле-

нию, было написано, что вам требуется официантка, – произношу я, с трудом заставляя голос звучать ровно. Каждое слово даётся как через тугой зажим в горле. Мне кажется, что по мне видно всё: и то, что я новенькая, и то, что я ничего не понимаю, и то, что у меня за спиной – целая жизнь, от которой я бегу. Бармен смотрит на меня с любопытством. Его глаза спокойные, чуть усталые, как будто он видит таких «новеньких» каждый день. Во мне от этого становится как-то легче: если он привык к таким, как я, значит, я вписываюсь. Я – не исключение, не странная, не инородная. Я одна из. – Да, она очень нужна, но позволь уточнить, тебе есть 18? – спрашивает он. Я тут же, почти рефлекторно, начинаю шарить в сумке, достаю паспорт и протягиваю ему. Сердце замирает, пока он изучает документ, словно от того, что он сейчас скажет, зависит не просто эта работа, а вообще – всё. Склоняется над страницей, губы чуть шевелятся, он произносит моё имя по буквам. – Азалия, – читает он, а потом поднимает на меня взгляд. – Азалия, приятно познакомиться, я Мерза, – говорит он с лёгкой улыбкой. Я киваю, и чувствую, как напряжение немного спадает, будто кто-то немного ослабил удавку вокруг шеи. Мерза – блондин, не слишком высокий, обычный парень. Обычный, нормальный, спокойный. В нём нет этой тяжёлой, давящей агрессии, которую я привыкла видеть в мужских глазах. Он не похож на тех, кто привык кричать, ломать, унижать. Он просто смотрит, оценивает, прикидывает, но без осуждения. Совсем не тот, кого я встретила у входа. Тот был огромен и страшен; на его фоне я чувствовала себя маленькой и беззащитной. Ужас охватил меня, когда я ответила ему. Я до сих пор ощущаю на коже его хватку, как он приблизился, как будто имеет право на мой страх. И во мне что-то сорвалось. Я не просто ответила – я взорвалась. Три дня в этом городе, и вот тебе уже первое «приключение». Я даже чемодан до конца не разобрала, а уже успела врезаться местному громиле. Браво, Азалия. Отличное начало новой жизни. Но времени жалеть себя нет. Мне нужны деньги. Реальные, живые, не виртуальные цифры «где-то потом». Учебники, метро, какая-никакая одежда – всё это не оплатит само себя. Прочие вакансии были только на утренние смены – кафе, маленькие магазины, уборка. Я не могу. У меня учёба. Я не уехала через океан, чтобы прогуливать пары ради трёх копеек за кассой. Поэтому я пришла в «Crystal». Ночной клуб. Музыка, алкоголь, люди, огни. Мир, к которому я никогда раньше не принадлежала. Мир, где мне по идее быть не должно. Но вот я здесь. Я прохожу мимо людей, их разговоры и смех звучат как музыка. Я чувствую на себе несколько взглядов – мужских, женских – но стараюсь не задерживать на них внимания. Я не знаю, что здесь считается нормой: открыто пялиться? Подмигивать? Кричать через весь зал? Бояться каждого взгляда? Я поднимаюсь на второй этаж. Ноги чуть подкашиваются от непривычной обуви, кроссовки с подошвой стучат по ступенькам – каждый шаг звучит громче, чем мне хотелось бы. Здесь так много дверей, кабинетов, табличек, и я теряюсь в догадках, куда идти. Пахнет кофе, бумагой, туалетной водой, уже без примеси дыма и алкоголя. Как будто другой мир – мир тех, кто этим всем управляет. Наконец, я вижу табличку «Administration / Администрация». Подхожу, делаю глубокий вдох, стучу и открываю дверь. Внутри сидит девушка с рыжими волосами, они аккуратно собраны в хвост, на носу стильные очки. Она печатает что-то на клавиатуре так быстро, будто её пальцы танцуют. Комната аккуратная: папки ровными стопками, монитор, кружка с кофе, мягкий свет настольной лампы. Это немного успокаивает: порядок вокруг будто наводит порядок в голове. Она поднимает голову и смотрит на меня. – Вам что-то нужно? – спрашивает она с лёгкой, вежливой улыбкой. Улыбка не фальшивая, но и не чересчур тёплая – профессиональная. Я захожу внутрь и прикрываю за собой дверь, чувствуя, как спина моментально напрягается: замкнутое пространство, незнакомый человек, неизвестность. Но я заставляю себя подойти к её столу. – Мерза сказал, чтобы устроиться к вам, я должна взять документы для оформления, – говорю я, радуясь, что язык не заплетается. Она оценивает меня с головы до ног. Я чувствую этот взгляд физически, почти как руки, касающиеся каждой детали: волосы, лицо, фигура, одежда. Мне хочется прикрыться руками, но я стою прямо. Пусть смотрит. Пусть решает, «подхожу» ли. На кону – деньги. На кону – моя свобода от чужой милости. – Конечно,

– кивает она. – Я Люси. А ты?– Азалия.– Рада знакомству, Азалия, – её улыбка становится чуть теплее. – Давай поговорим о том, в чём будет состоять твоя работа. Я киваю, стараясь запоминать каждое слово. Любая мелочь может потом аукнуться. Я не хочу выглядеть глупой и задавать по десять раз один и тот же вопрос. – У нас официантки работают на высшем уровне, – начинает она, слегка подчёркивая «на высшем». – Заработок зависит от твоей эффективности. Час работы – 45 долларов. Словно кто-то невидимый даёт мне по голове. 45 долларов. За час. Я быстро считаю в уме: даже если я отработаю пять часов – это уже 225. За ночь. Даже если вычесть налоги, расходы – всё равно это намного больше, чем большинство подработок, которые я видела. В голове всплывают рубли, автоматически: почти (3700) за час. За один час, в то время как когда-то мне за целый день носили копейки, и ещё смотрели так, будто я должна быть благодарна самой судьбе. – Ты у нас новичок, – продолжает Люси, будто не замечая, как у меня на секунду округлились глаза. – Поэтому ты считаешься стажёром. Им платят меньше, стажировка длится три месяца, после чего твой заработок поднимется до 70 долларов в час. Я снова подавляю глоток удивления. Семьдесят. Я мысленно представила это число рядом с моим именем. Азалия, час твоей жизни стоит 70 долларов. Раньше казалось, что мой час вообще ничего не стоит. Ни одной монеты, ни одной купюры. Неужели я действительно могу быть... ценной?– Наш босс – очень уважаемый член клуба, – говорит Люси, и в голосе появляется что-то вроде подчёркнутого уважения, вперемешку с лёгким напряжением. – Он, наверное, каждую неделю отдыхает здесь. До его прихода всё должно быть идеально, все напитки на столах. Наш босс. Я автоматически думаю: «Интересно, какой он? Старый, лысый, кричащий? Или холодный, молчаливый, с каменным лицом?» Внутри меня что-то ёкает: Кевин рассказывал про местного Кая. Кажется, это как-то связано. Но я отгоняю мысль. Какая разница? Всё равно у меня с ним не будет личных дел. Я здесь обслуживать столики, а не заводить знакомства с хозяевами ночных клубов. Я беру документы, которые она протягивает, аккуратно, словно боюсь порвать. – А сколько нужно работать в день примерно? – спрашиваю, потому что в голове уже лихорадочно сопоставляю пары, дорогу, время сна. – У нас клуб работает с 11 вечера до 8 утра, – спокойно отвечает она. Боже, прощай, мой сон. Не то чтобы его было много в последнее время, но здесь он, кажется, вообще станет роскошью. В голове рисуются ночи на ногах, усталость, тяжесть в спине, липкий пот, разлившиеся напитки, придирчивые клиенты. И вместе с этим – деньги. Свои. Не чужие, не «одолженные». – Но, как я поняла, ты студентка, – добавляет Люси, чуть смягчая тон. – Ты можешь уходить раньше. Я киваю. Это уже легче. Значит, я не обязана быть здесь до восьми утра каждый раз. Смогу подстраиваться под расписание, выживать. Я встаю, прижимая папку к груди, словно щит. – Рада буду с тобой поработать, Азалия, – говорит Люси. – Взаимно, – отвечаю я, и впервые за всё время слово «взаимно» звучит честно. Выходя из кабинета, я читаю бумаги на ходу. Дресс-код: либо красное, либо чёрное, открытое. Я останавливаюсь прямо посреди коридора. Открытое. О боже. Я никогда не носила открытые вещи. Максимум – слегка приоткрытая ключица или узкие джинсы. А тут, наверное, мини-платья, глубокие вырезы, оголённые плечи, ноги. Я представляю себя в таком и краснею до корней волос. Перед глазами сразу всплывают мамини фразы, Стивенов взгляд, его мерзкие слова. В голове срабатывает старый сценарий: «Открытое – значит вызывающее. Вызывающее – значит плохая. Плохая – значит заслужила». Я глубоко вздыхаю. Стоп. Это другой город. Другая страна. Другие правила. Здесь девушка в коротком платье – просто девушка в коротком платье. Не повод для приговора. Не причина для оскорблений. И даже если кто-то решит, что имеет право судить – у него нет надо мной власти, как у Стивена. Это МОЁ тело. МОЙ выбор. Моя работа. «Я хочу быть сильной», – шепчет что-то внутри. – «Ты же сама этого захотела». Я сжимаю бумаги так, что ногти впиваются в картон, и вызываю себе Uber. Утро наступило так, будто и не было ночи. Как будто мир не знает, что я вчера стояла в клубе, считала деньги и примеряла на себя новую жизнь. Солнечный свет пробивается в комнату сквозь жалюзи, рисуя полосы на стенах, на наших кроватях, на хаосе из тетрадей и одежды. В комнату заходит Дина,

сияющая, как обычно, будто сама – маленькое солнце. – Девочки, проснитесь и оцените новый цвет моих волос, – говорит она с энтузиазмом, будто речь идёт не о волосах, а минимум о новой вселенной. Я резко подрываюсь с подушки, сердце всё ещё немного отзывается ночной дрожью. Лилиана тоже приподнимается, зевая и прикрываясь одеялом. Дина покрасилась. Я шурю, пока глаза привыкают к свету, и потом... – Ты покрасила волосы в русый, – говорит Лилиана с удивлением, всматриваясь, словно перед ней новая версия знакомого приложения. – Да? Вам не нравится? – хмурится Дина, машинально поправляя прядь. – Нравится, но ты так резко? Повод ли есть? – Лилиана наклоняет голову, её голос любопытный, без осуждения. – Нету, просто захотелось, – отвечает Дина с широкой улыбкой. Я невольно смеюсь. В Дине есть то, чего мне так не хватает: лёгкость. Она просто захотела – и сделала. Не сто раз спросила разрешения, не спросила, «а что скажут», «а как это воспримут». Просто захотела быть другой – и стала. Я встаю и иду в ванную. В зеркале – чуть уставшее лицо, тёмные круги под глазами, но взгляд уже не такой потерянный, как раньше. В нём появилась какая-то тень упрямства. Принимаю быстрый душ, вода смывает липкие остатки ночи, запах клубного дыма, нервное напряжение. Одеваю чёрные легинсы и обтягивающую футболку. Это мой максимум «открытости» на сегодняшний день. Внутри подсознательно примеряю, как на это всё ляжет красное или чёрное платье из дресс-кода. Щёки теплеют, но вместе с этим возникает странный интерес: «А что, если я смогу?» Выходя, замечаю, как девочки уже собраны, сидят на своих кроватях и едят лапшу из коробочек. – Вы серьёзно, лапша на завтрак? – спрашиваю я с ухмылкой, опираясь о дверной косяк. – Мне лень готовить, – отвечает Дина, потянувшись к своей тарелке. Волосы блестят в свете, новый цвет ей правда идёт. Она выглядит взрослой и при этом по-детски легкомысленной. Я смеюсь. Внутри тепло – это такая обычная, простая сцена, которых у меня почти не было. Никто не кричит, не требует отчёт, не запрещает смеяться. Просто две соседки едят лапшу на завтрак, и это кажется роскошью. Я никогда не завтракаю нормально, просто ем батончик и запиваю его кофе. Мой желудок давно привык к этому – к вечной спешке, к отсутствию домашнего «сначала поешь, потом пойдёшь». Наливаю себе кофе, горячий, крепкий, и с первым глотком в голове чуть проясняется. – Как прошло твоё собеседование? – спрашивает Лилиана, поднимая взгляд от лапши. В её голосе – искренний интерес. Не формальный, а настоящий. – Хорошо, меня сразу приняли, – отвечаю, стараясь не выдать, насколько я сама в шоке от этого. – О, это отличная новость! – улыбается она. – А в какой ты клуб устроилась? – В «Crystal», – произношу я между глотком кофе и вдохом, но тут замечаю, как Лилиана подавилась, а Дина смотрит на меня с таким видом, будто я только что объявила, что устроилась к мафии. – Что? – спрашивает Дина, не веря своим ушам. – А что здесь такого? – удивляюсь я, но внутри всё сжимается в тугую комок. Я терпеть не могу это ощущение: будто все вокруг знают то, чего не знаю я. И это «что-то» редко оказывается приятным. – Ну... – они переглядываются, и обе выглядят так растерянно, что слова словно застревают у них в горле. – Этот клуб принадлежит Каю, – наконец говорит Лилиана. Имя падает в пространство комнаты, как тяжёлый камень в воду. Кай. Кевин рассказывал. О том, что у него знакомый или друг, или кто там, который тут чуть ли не король ночной жизни. И что «Crystal» – его территория. Я влипла. Но потом быстро заставляю себя выдохнуть. Это же просто работа. Я – официантка, он – босс, который, как сказала Люси, «каждые выходные отдыхает здесь». У него есть миллионы дел, сотни людей, миллион проблем. Ему явно не до какой-то новенькой стажёрки. Да и вряд ли он ходит по залу, проверяя каждую девочку поимённо. – О чём задумалась? – косится на меня Лилиана. – Ну, я же буду работать, а не с ним общаться, – говорю я, стараясь, чтобы голос звучал логично и спокойно. – Мы, наверное, не будем видеться, он только по выходным там появляется. – Ну, это звучит лучше, – кивает Дина, явно пытаясь и меня, и себя успокоить. – Может, ты вообще его один раз краем глаза увидишь и всё. Их реакция меня всё равно тревожит, но я стараюсь не раскручивать в голове сценарии. Если я начну бояться каждого имени и каждой тени, я снова окажусь в той кухне. А я оттуда уже ушла. – Девочки, я забыла вам

рассказать, – вспоминаю я, чувствуя, как внутри поднимается смешок от абсурдности всего этого. – Вчера, когда я шла в клуб, в меня врезался какой-то парень. – Он тебе что-то сделал? – сразу спрашивает Дина, её глаза моментально наполняются тревогой. Она вообще какая-то защитница по натуре: сразу на взвод, если запахло опасностью. – Нет, нет, – машу руками. – Но он был таким грубияном, просто кричал на меня без повода. Я вспоминаю его голос – низкий, грубый, режущий. То, как он наклонился, как будто имел право на близость. Его руку, сжавшую моё плечо. И внутри у меня снова что-то шевелится – не страх, а... злость. Чистая, яркая. – И что ты сделала? – интересуется Лилиана, уже с улыбкой. Она, кажется, чувствует, что концовка истории будет не такой уж пассивной. – Я укусила его и ударила в пах, – говорю я, стараясь сохранить лицо серьёзным. Секунда тишины – и они обе уставились на меня так, будто у меня выросли крылья. А затем разразились смехом. – Ты серьёзно?! Ты ударила его? – Лилиана смеётся так, что едва не роняет вилку. – Да... – тяну я, смущённо, но внутри... внутри вдруг становится очень тепло. Я – не просто девочка, которую все толкают и заставляют молчать. Я могу ответить. Могу защититься. Могу дать отпор, пусть и странным способом. – Ты просто чудо, Азалия, – хохочет Дина, переползая ко мне и крепко обнимая. – Господи, я бы отдала всё, чтобы увидеть его лицо в этот момент! Я сама улыбаюсь, потягиваясь к чашке с кофе. В голове вертится: «А если этот придурок ещё и окажется тем самым Каем?» – и я чуть не давлюсь от этой мысли. Но тут же сама себя одёргиваю. Нет, ну это уже слишком. Мир, конечно, любит странные совпадения, но не до такой же степени... Надеюсь. Кто бы этот незнакомец ни был, он полный придурок. Его чёрные глаза, грубая скула, сильные руки – всё в нём говорило о мощи и мужестве. О той самой мужской силе, которая чаще всего используется не для защиты, а для давления. Но вчера я не дала ему раздавить себя. Впервые не проглотила обиду. И пусть способ был... нетрадиционный, результат тот ещё – я отстояла себя. В этот момент во мне чётко, ясно формируется желание: я хочу быть сильной. Не только в моменты отчаяния, когда адреналин делает выбор за меня. Я хочу быть такой всегда.

Глава 6

Глава 6. Кай.

Мы с друзьями и девушками заходим в клуб, и сразу же на нас бросается взгляд администраторши. Она, как всегда, с игривой улыбкой, но я чувствую, как внутри меня что-то закипает.

– Босс! Вы же обычно по выходным приходите, – говорит она, стараясь выглядеть неприужденно.

– Ты сейчас будешь говорить мне, когда мне приходиться и когда уходить? – отвечаю я с легкой насмешкой, хотя внутри меня бурлит раздражение.

– Нет, что вы. Пожалуйста, проходите к вашим местам, я попрошу официантку быстро всё принести, – отвечает она, и я вижу, как напряжение на её лице сменяется на облегчение.

Мы проходим мимо неё, и идём садиться за VIP-стол. Как только мы усаживаемся, к нам подходит официантка. Я уже знаю, что она будет говорить.

– Босс, здравствуйте, что вы желаете? – спрашивает она с робостью.

Я злюсь. Блять, как же я ненавижу, когда они знают, что я пью, но всё равно спрашивают. Она быстро опускает голову, и я чувствую, как накаляется атмосфера.

Кэти, моя подруга, не упускает возможности вставить свои пять копеек:

– Ты что, новенькая? Ты разве не знаешь, что мы обычно пьём?!

– Извините, я подумала, может, вы что-то другое хотите, – отвечает она, едва сдерживая дрожь в голосе.

Я не выдерживаю и огрызаюсь:

– Уйди и позови другую официантку немедленно, я не хочу видеть тебя!

Я вижу, как её глаза наполняются слезами, и она резко разворачивается, уходя. Чёрт, я не хотел её обидеть, но сейчас не до этого. Кэти садится ко мне на колени, играя с моей шеей, а её подружки начинают флиртовать с Лео и Бретом, создавая хаос вокруг.

В этот момент я слышу другой голос. Этот голос... Я поднимаю голову и вижу её. Искорка. Её глаза загораются при виде меня, и я чувствую, как сердце замирает. Она сжимает блокнот в руке, явно нервничая. На ней красное короткое платье, которое подчеркивает каждый изгиб её тела. Её волосы собраны в небрежный пучок, и я не могу не улыбнуться, глядя на неё.

– Где наши напитки! – грубо говорит Кэти, словно не замечая, как я смотрю на искорку.

– Могу я узнать, какие вы предпочитаете? – спрашивает она, слегка смущаясь.

– Мне что-нибудь покрепче, если можно, – отвечает Лео, оценивая её взглядом, и я невольно сжимаю кулаки. Он не должен её рассматривать так!

– Что за чертовщина? Ты должна была прийти с нашими напитками! – кричит Кэти, и я чувствую, как накаляется обстановка.

– Я здесь новенькая и не знаю, что вы предпочитаете, – спокойно отвечает искорка.

– Блять, тогда зачем та тварь отправила тебя?! Я же сказала, позвать ту, которая знает, что мы хотим! – взрывается Кэти.

– Вы понимаете, что вы сейчас сами тянете время на то, чтобы получить свои напитки? – говорит искорка, и я не могу не восхититься её смелостью.

– Да как ты смеешь мне грубить! – кричит Кэти.

– Вы первая оскорбили её. Вы не имеете права оскорблять. Сядьте и скажите, что будете пить, в течение двух минут мы всё принесём, – отвечает она с уверенностью.

– Ты... – не успевает она договорить, как я перебиваю её.

– Принеси нам самое дорогое вино, – говорю тихо, но уверенно.

Она смотрит в мою сторону, и, кивнув, просто уходит. Я вздыхаю, чувствуя, как напряжение спадает.

– Зачем ты отпустил её? Она же упрекнула меня! – возмущается Кэти, и я вижу, как её лицо искажает обида.

– Хватит, Кэти! Я просто хочу расслабиться, а не слышать, как вы тут ссоритесь, – отвечаю я, не обращая на неё внимания. Мне плевать на её капризы. Я хочу сосредоточиться на искорке, на её смелости. Но насколько она смела на самом деле?

В этот момент искорка возвращается с подносом, на котором стоят наши напитки. Я вижу, как Кэти встаёт, чтобы взять свой напиток и резко наклоняется вперед.

– Прости, случайно! – говорит она, выливая коктейль на платье искорки.

– Ничего страшного, – отвечает официантка, пытаясь сохранить спокойствие. – Раз вы такая неуклюжая, будьте в следующий раз аккуратнее.

Внутри меня поднимается буря. Я смотрю на Кэти с яростью, а затем перевожу взгляд на искорку. Она просто стоит, не зная, что сказать. В её глазах вижу смешанные эмоции – гнев, обиду и, возможно, даже страх.

– Ты в порядке? – спрашивает Лео вставая и поднимая на нее взгляд.

Она медленно кивает, но я вижу, как она пытается сдержать слёзы.

– Да, всё в порядке... – отвечает она, но я чувствую, что это не так.

– Кэти, ты слишком далеко зашла! – говорит Лео, пытаясь разрядить обстановку. – Зачем ты это сделала?

– Ничего страшного, – отвечает она с безразличием, словно не понимая, что натворила.

Искорка ничего не сказав просто ушла. Я не должен её жалеть. Я никого не жалею. Жалость – для слабых, для тех, кто оправдывает чужую никчёмность и собственную. Но почему же меня так перекосило, когда Кэти это сделала? Почему внутри будто что-то хрустнуло, когда вино полетело ей на платье, а её глаза расширились от шока? Я зло выдыхаю и залпом допиваю

бокал. Горло обжигает, но это только подливает масла в огонь. Пальцы сжимаются в кулак так сильно, что костяшки белеют. Сука. Ненавижу, когда во мне что-то шевелится, кроме ярости. Я встаю из-за стола, стул противно скребёт по полу, и Кэти, хмуря брови, вскидывает голову:— Ты куда это?— Мне нужно с персоналом поговорить, — холодно бросаю я, даже не глядя на неё.— Да, правильно! — одобрительно улыбается она, не понимая ни-че-го. — Покажи им. Покажу. Но не так, как ты думаешь, Кэти. Я спускаюсь по лестнице, шаг за шагом сбрасывая с себя этот липкий осадок. Музыка снизу гремит, свет мигает, кто-то смеётся — они не знают, что их босс сейчас на грани. И это к лучшему. Подхожу к барной стойке. Бармен, завидев меня, мгновенно выпрямляется, вытирая руки о полотенце.— Где девушка в красном? — я бросаю слова, как ножи.— Ээ... босс, она в комнате для персонала... — он нервно сглатывает, взглядо метнувшись в сторону коридора. Я не отвечаю. Разворачиваюсь и в следующую секунду уже иду туда. Шаги гулко отдаются в узком проходе. В голове стучит только одно: «Кто, блять, дал право лезть туда, где не понимают, с кем имеют дело?» Дверь комнаты для персонала сотрясается, когда я рывком открываю её. Внутри сидят обе официантки. Искорка — аккуратно вытирает мокрое пятно на красном платье, губы сжаты, глаза опущены. Вторая — просто плачет, судорожно хватая воздух. Как только дверь ударяется о стену, обе резко вскидывают головы. Алия вскакивает на ноги так резко, будто её ударило током.— Б-босс, вам что-нибудь нужно? — её голос дрожит, она даже не пытается скрыть страх. Я делаю шаг вперёд, сдерживая желание швырнуть ближайший стул об стену.— Что, блять, это было наверху? — почти рычу я, каждый слог как пощёчина. — Кем вы себя считаете? Я бросаю взгляд на бейджик на её груди. Алия. Запоминаю.— Я когда тебе сказал позвать другую официантку, чем ты думала, когда позвала новенькую? — я почти нависаю над ней. Она едва держится на ногах, пальцы вцепились в подол фартука, глаза стеклянные. В груди всё кипит. Вся злость, накопившаяся за вечер, начинает вырываться наружу. И самое мерзкое то, что часть этой ярости — на самого себя. Я поворачиваю голову к Искоре. — Как твоё имя? — голос становится ниже, опаснее. Она медленно поднимает глаза. В них нет привычной покорности, к которой я привык от персонала. Есть боль. И упрямство.— Азалия... — произносит она тихо, но ровно. Я устало, зло, провожу рукой по виску. Из-за неё Кэти будет выносить мне мозг. Будет с наслаждением рассказывать всем, как она «поставила на место» официантку, вылив на неё вино. За «неуважение». За что, сука? За то, что та посмела с ней нормально заговорить? Я стискиваю зубы.— Алия, покинь комнату, — говорю, не отводя взгляда от Азалии.— Простите, босс... я... — Алия делает шаг в сторону, руки трясутся.— Я сказал, покинь комнату! — рявкаю так, что стены будто дрожат. Искорка вздрагивает, сжимается от страха, плечи подлетают вверх. Правильно. Бойся. Страх — единственное, что тут всех держит в узде. Алия почти бежит к выходу, не смея даже посмотреть в мою сторону, и поспешно закрывает дверь за собой. Мы остаёмся наедине. В комнате тихо, только её частое дыхание нарушает тишину. Азалия машинально отходит назад, будто пытается отдалиться от меня хотя бы на шаг. Неправильный ход. Я медленно двигаюсь вперёд, сокращая расстояние между нами. Каждый мой шаг — как приговор. Этот её восточный аромат снова ударяет в голову — пряный, тёплый, слишком живой. Сводит с ума, бесит ещё сильнее. Я останавливаюсь совсем близко и смотрю ей прямо в глаза. В этих глазах — вызов, спрятанный под страхом.— Держи расстояние, — говорит она, вытягивая руку между нами, словно жалкую преграду. Я медленно ухмыляюсь.— Ты правда думаешь, что твоя жалкая рука способна меня остановить, если я захочу что-то сделать, Азалия? — в голосе ледяное презрение. Она сглатывает, горло дёргается, и медленно опускает руку, сжимая пальцы в подоле платья, словно это может её защитить.— Что вы хотели? — спрашивает она, и хоть голос дрожит, она не опускает взгляда. Меня это злит ещё больше.— Больше никогда не подходи к VIP-столу, — бросаю я, каждое слово режет воздух. — Ты слышишь? Никогда. Если не знаешь, что делать, какого хрена ты вообще в это лезешь? Её глаза вспыхивают.— Ваша девушка не имела права оскорблять нас! — выпаливает она, и голос вдруг становится резким. — Мы с уважением спросили, а что она сделала?! Вылила на меня вино! Я делаю полшага ближе. Её

спина почти касается стены.— Снизь свой тон, Азалия, — произношу тихо, но так, что любой нормальный человек бы уже стыл от ужаса. — Ты не перед тем человеком, с которым разговаривала тогда. Я не отвечаю за свои поступки. Сейчас — точно нет. Она делает глубокий вдох, будто пытается собрать остатки смелости в кулак.— Я имею право высказывать своё мнение, — медленно произносит она, глядя мне прямо в глаза. — И мне правда плевать, что вы думаете. Вы босс, но это не значит, что мы должны терпеть насмешки от ваших друзей. Меня как будто ударяет током. Сука. Маленькая дерзкая сука. Она пытается пройти мимо меня, но я резко, без всякого усилия, хватаю её за локоть. Пальцы намеренно сжимаются сильнее, чем нужно. Я чувствую, как её кожа подрагивает под моей хваткой. Рывком притягиваю её к себе. Её лицо оказывается так близко, что я чувствую её дыхание на своей шее. В глазах смешались страх и ярость.— Отпусти, — шепчет она. Уже без вызова, но и без мольбы. Просто приказ, будто она вообще имеет на это право. Я холодно усмехаюсь, наклоняясь чуть ближе, так чтобы она чувствовала, насколько она сейчас в моей власти.— Ты права, Искорка, — тихо произношу я, и голос звучит почти ласково, но в нём нет ни грамма тепла. — Ты не должна терпеть насмешки. Тебя ожидает кое-что получше. Поэтому перебереги силы для этого. Мне не нужны слабаки здесь. Я нарочно нажимаю пальцами сильнее, чувствуя, как её тело напрягается.— Я не слабая, — с вызовом смотрит мне в глаза. Зрачки расширены, но она всё равно не опускает взгляд. — И даже вам не позволю издеваться над собой. В груди поднимается тяжёлый, тёмный смех.— Хочешь поспорить, Искорка? — шепчу ей почти в губы. — Я только за. Игра с тобой делает меня таким твёрдым. Я вижу, как она вспыхивает — щёки заливают румянец, глаза на секунду дрогнули, и она резко вырывает локоть из моей хватки. Я даю ей это сделать. Специально. Пусть думает, что вырвалась сама. Она делает шаг назад, прижимая руку к тому месту, где я держал её. Пальцы нервно сжимают ткань платья.— Вы... отвратительны, — выдыхает она, но уже тише. В голосе злость вперемешку с чем-то ещё, от чего внутри у меня всё только сильнее закипает. Я медленно выпрямляюсь, скользя по ней взглядом сверху вниз.— Запомни, Азалия, — голос становится ледяным. — Здесь ты — никто. Твоё «мнение» никого не ебёт. Единственное, что держит тебя на работе — это то, что я пока позволяю тебе здесь быть. Перестань путать свою смелость с моей терпимостью. Её губы дрогнули, но она молчит. Упрямо, сжав челюсть, стирая с глаза предательскую слезу тыльной стороной ладони.— И ещё, — добавляю, делая шаг к двери и оборачиваясь к ней в последний момент. — Если ещё раз подойдёшь к моему столу без прямого приказа — я лично позабочусь о том, чтобы ты запомнила этот вечер надолго. И поверь, это будет не вино. Наши взгляды сталкиваются в последний раз. В её глазах всё ещё огонь. Это бесит. И... почему-то цепляет. Я выхожу, хлопнув дверью так, что в коридоре звенит воздух. Пока я иду обратно к лестнице, меня разрывает изнутри. Я должен был наорать, унижить, поставить на место — и я это сделал. Но почему, чёрт возьми, перед глазами снова и снова всплывает её взгляд? Не испуганный, нет. Упрямый. Глупо смелый. Нужно просто забыть. Я сжимаю кулаки до боли. Я не жалею никого. Никогда. И эту Искорку — не пожалею тоже.

Глава 8

Глава 8. Азалия Я сижу на первой паре вместе с Лилианой. Пока мы искали нужную аудиторию, успели заблудиться три раза, обойти весь корпус, зайти в какой-то биологический класс, где на нас странно смотрел препод, и только потом нашли нужную дверь. Аудитория большая, с высокими окнами, старой деревянной кафедрой и длинными рядами парт. На стене висит пожелтевшая карта Нью-Йорка. Наш профессор — мужчина лет пятидесяти с седыми висками и в мятом пиджаке — вдохновенно рассказывает про первые кварталы города, про иммигрантов, про развитие мегаполиса... но его почти никто не слушает. Кто-то листает ленту в телефоне, кто-то болтает шепотом, а одна девушка в первом ряду вообще красит губы, глядя в маленькое зеркальце. Лилиана, в отличие от всех, сидит ровно, как отличница из американских фильмов. Ее аккуратный блокнот уже заполнен мелким почерком, она честно конспектирует каж-

дое слово профессора, иногда подчеркивая что-то цветной ручкой. Я же уткнулась взглядом в окно. За стеклом – яркое небо, ни облачка. Солнечные лучи ложатся на крышу соседнего корпуса, на кроны деревьев, на людей во дворе. Такая теплая погода сегодня, будто не учебный год начался, а каникулы продолжаются. В голове крутится одна мысль: Сегодня мы должны выбрать себе то, чем бы хотели заниматься помимо учебы. Клубы, секции, кружки, факультативы. А я даже не знаю, чего хочу. Что мне вообще интересно? Сцена в клубе с Каем снова всплывает перед глазами. Его холодный взгляд, сжатая челюсть, тон, будто я у него в должниках. Я моргаю, отгоняя воспоминания. Не хватало еще, чтобы он засел в голове с самого утра. Прозвенел звонок на перемену. Звонок тут уже не школьный, а такой, электронный – короткий сигнал. Студенты сразу зашуршали, начали вставать, кто-то потянулся, кто-то тут же рванул к двери, будто боится, что останется в заложниках у истории Нью-Йорка. Мы с Лилианой поднимаемся. – Голова кругом, – шепчет она, закрывая блокнот. – Я половину не поняла, но записала. На всякий случай. – Главное – ты поняла, как дойти до аудитории, – фыркаю я. – Остальное приложится. В коридоре к нам почти бегом присоединяется Дина. Щеки у нее чуть розовые, волосы собраны в высокий хвост, на шее болтается бейджик первокурсницы. – Девочки, – выдыхает она, хватая нас за руки. – Нам нужно собраться в зале, всех первокурсниц зовут. Какие-то объявления. Мы киваем и идем в сторону актового зала. По коридорам бродят такие же потерянные, как мы, студенты. Кто-то с картой кампуса в телефоне, кто-то просто идет за толпой. Зайдя в зал, мы видим еще много других девушек. Их реально много. Некоторые выглядят так, будто пришли не на учебу, а на кастинг в клип: короткие юбки, глубокие вырезы, килограмм косметики, каблуки. Кто-то громко смеется, кто-то делает селфи на фоне сцены. Мы протискиваемся поближе к середине. – Для чего нас тут собрали? – шепчу я, оглядываясь. – Нам нужно будет выбрать, чем бы мы хотели заняться, – тихо отвечает Лилиана, поправляя очки. – Я читала в брошюре. У нас есть куча студенческих объединений. – Это так круто, – глаза Лилианы загораются. – Я бы хотела в сестринство. Я чуть не давлюсь воздухом. Сестринство? Seriously? Вот эти девочки в мини-юбках и с идеальными укладками, которых показывают в фильмах, как главных ведьм кампуса. Представляю себя в их компании – и мне становится смешно. Не, сестринства точно не для меня. Плясать и поддерживать, пока футболисты играют? Улыбаться, махать помпонами, изображая, что моя жизнь – один большой праздник? Да ни за что. На сцену выходит женщина в строгом костюме, берет микрофон и начинает официальную речь про «важность внеклассной активности, командный дух, развитие талантов». Я слушаю вполуха, больше рассматриваю зал. Нам всем раздают бумажки, в которых мы должны поставить галочку, куда бы мы хотели. Я опускаю взгляд на лист. Список длинный: «Сестринства», «Модный дом университета (дизайн одежды)», «Музыкальная группа», «Театральная студия», «Фотоклуб», «Волонтеры кампуса», «Газета университета», «Черлидинг», «Команда дебатов», «Спортивные секции»... Я читаю, а внутри только растущее раздражение. Все не мое. Не чувствую ни к одному пункту: «Вот оно». – Дина, что ты выбрала? – спрашиваю, с надеждой подсмотреть идею. – Я выбрала шить платья, – гордо отвечает она. – У меня очень хорошо получается шить. Видела бы ты, какие я делала в школе на выпускной показ. Я вскидываю бровь. – Даже не удивлена. Ты вечно что-то подшиваешь, переделываешь, обрезаешь. – А ты? – поворачивается ко мне Лилиана. – Не знаю... – честно признаюсь. – Вообще не знаю. Дина какое-то время разглядывает меня, потом ее глаза начинают хитро блескать. – А может... – тянет она. – Что «может»? – подозрительно прищуриваюсь я. Она смотрит на меня щенячьими глазами: – Может, ты будешь моей моделью? – Что?! – я чуть не выронила ручку. – Тут есть такое, – азартно шепчет она, показывая строчку в бланке. – «Мисс Красотка». Это конкурс и команда моделей для показов и разных мероприятий. Мне нужна модель для коллекции, а ты идеально подошла бы. – Ты что, издеваешься, Дина? – я нервно усмехаюсь. – Модель? Я? Я сразу вспоминаю вчерашнюю ночь, залитое вином платье, взгляд Кая, оценивающий с головы до пят. Меня передергивает. – Ну пожалуйста, – тянет Дина, почти подпры-

гивая на стуле. – Мне реально нужна модель. А ты все равно не определилась, чем хочешь заняться. Ты красивая, фигура – бомба, лицо яркое. Тебе только выйти на подиум – и все. Я утыкаюсь взглядом в бланк. Модель. Я? Перед глазами мелькают сцены: яркий свет, музыка, я иду по подиуму... и где-то в темноте на меня смотрит Кай со своей оценивающей физиономией. Прекрасно. Но в списке правда нет ни одного варианта, от которого у меня внутри ёкнуло бы по-настоящему. Писать статьи? А если я бездарь. Спорт? Спасибо, я по ночам в клубе работаю, этого адреналина хватает. Черлидинг – точно нет. Я в итоге, тяжело выдохнув, ставлю галочку там, где написано: «Мисс Красотка / модель для показов». – Если я стану посмешищем, – шепчу я Дине, – я буду тебя преследовать до конца твоей жизни. – Согласна, – сияет она. – Но ты не станешь. После того как мы отдали бумаги кураторам, нас отпускают. – У нас второй пары нет, – говорит Лилиана, сверяясь с расписанием в телефоне, – а до следующей еще почти час. – В сад? – предлагает Дина. – Там такая классная аллея, я сегодня видела. Мы втроем выходим во внутренний двор. Здесь красиво – аккуратные дорожки, клумбы с цветами, высокие деревья, лавочки. Студенты сидят группками, кто-то ест, кто-то смеется, кто-то читает, устроившись прямо на траве. – Если я буду моделью, – бормочу я, – мне нужно перестать есть пирожки ночью. – Нет, – возмущается Дина. – Пирожки – это святое. Мы просто подберем фасон, который подчеркнет твои формы. Я закатываю глаза. Мы гуляем по саду и, огибая живую изгородь, выходим к большому футбольному полю. Трава ярко-зеленая, линия разметки белая. На одной стороне бегают парни в спортивной форме, тренер свистит в свисток, кто-то громко кричит, подбадривая. И там – Кевин. И Кай. Я останавливаюсь как вкопанная. Кай в темно-синей футболке, прилипшей к спине от пота, в шортах, на ногах бутсы. Он двигается так уверенно, так слаженно, будто футбольное поле – его стихия. Его мышцы напряжены, когда он бежит за мячом, делает резкий разворот, обходит соперника. Он играет не просто, как на тренировке, а так, будто реально решается судьба матча. Как будто он уже в «Реале», а не в обычном университете. Кевин стоит у ворот в форме вратаря, в перчатках, сосредоточенный. Я только сейчас понимаю, что они в одной команде. «Отлично, – думаю я. – Как будто ночных встреч с ними мне мало». Увидев меня, Кевин поднимает голову и тут же машет рукой, улыбаясь. И в ту же секунду Кай переводит взгляд туда, куда смотрит Кевин. Его глаза натыкаются на меня. Мы встречаемся взглядами. Он ошарашенно смотрит на меня, будто я привидение, вылезшее из его кошмара. В его взгляде четко читается вопрос: «Какого черта она тут делает?» Он явно не ожидал, что я учусь там же, где и он. В груди что-то неприятно дергается, но я делаю вид, что мне все равно. – Пойдем сядем, – предлагает Лилиана и кивает в сторону скамейки у поля. Мы с девочками садимся. Дина, конечно, первым делом начинает разглядывать игроков, не стесняясь. – Ого... – протягивает она. – А вот за это можно и поболеть. Я закатываю глаза, но сама невольно продолжаю смотреть на поле. Кай делает очередной рывок, ловко перехватывает мяч, его ноги работают быстро, точно. Кевин что-то ему кричит, он машет рукой в ответ. И вдруг в нашу сторону летит мяч. Он с такой силой врывается в скамейку, что я отшатываюсь. Дина инстинктивно закрывает голову руками. – Вы что, слепые?! – орет она на поле, вскакивая. К нам быстрым шагом подходит высокий парень. Очень высокий. С широкими плечами, с каштановыми волосами, собранными сзади в короткий хвост, и светло-кариими глазами, в которых одновременно насмешка и скука. – Не нужно сидеть здесь, – спокойно говорит он, глядя сверху вниз на Дину. – Во второй раз прилетит уже больше. – Да кем ты себя возмнил! – вскипает она, делая шаг к нему. Я поднимаюсь на ноги. Еще не хватало, чтобы в первый день она с кем-то подралась. Парень чуть наклоняется вперед, на его губах появляется ухмылка: – Послушай, каратышка, уйди, не мешай нам играть. И забери своих подруг. И в особенности Азалию, – он бросает на меня короткий взгляд, – пока она не выбесила Кая. Я цепенею. Он знает меня по имени. Я вижу, как на поле, опершись руками о колени, стоит Кай и внимательно на нас смотрит. Челюсть у него сжата. «Отлично. Значит, он уже успел пожаловаться друзьям на ужасную официантку». Я сжимаю зубы, смотрю на этого громилу в упор. – Кто это здесь

каратышка? – приподнимает бровь Дина – Сам громила. Если я не захочу – не уйду. А своему другу скажи, пусть не смотрит в нашу сторону, раз не хочет злиться. Он слегка отстраняется, будто проверяя, не ослышался. – Так значит, – протягивает он медленно, – я громила, да? – Да! – уверенно отвечаю я. – И уйди. Ты мешаешь нам. Загораживаешь вид на парней. Он застывает на пару секунд, уставившись на нее. Похоже, правда не ожидал такой наглости от нее. За его спиной кто-то с поля свистит: – Берт! Ты идешь играть или женишься там уже? «Берт?» – мысленно переспрашиваю я. Значит, так его зовут. Я беру Дину за локоть и тихо шепчу ей на ухо: – Они ненормальные, с ними без толку спорить, Дина. Она фыркает, но все же послушно отступает и садится обратно на скамейку. Правда, снова заливает на игроков, но хотя бы не орет. Парень ухмыляется уголком губ, поворачиваясь, чтобы уйти, и прежде чем развернуться окончательно, бросает: – И да, каратышка, мое имя не «громила», а Берт. – Поздравляю, – говорит она себе под нос, но громко добавляет: – Запишу в список тех, кто меня раздражает. Он ухмыляется шире и уходит обратно на поле. Дина фыркает и продолжает сидеть, скрестив руки на груди. – Что это только что было, Дина? – спрашивает Лилиана, не выдержав, и начинает смеяться. – Ты бедному парню даже слова нормально сказать не дала. – Он заслужил, – обиженно отвечает она. – Бросил мне в голову мяч, еще и просил уйти! – Чего ожидать от друзей Кая, – бурчу я. – Они все ненормальные. Я чувствую на себе чужой взгляд и поднимаю голову. Кай стоит чуть в стороне от остальных, пьет воду из бутылки и не сводит с меня глаз. Его взгляд цепкий, изучающий, раздраженный. Я демонстративно разворачиваюсь к девочкам спиной к полю. – Пошли лучше дальше по саду, – говорю. – Пока нас тут еще не обвинили в том, что мы портим им тренировку своим существованием. – Но тут такой красивый вид, – мечтательно вздыхает Дина, снова косо поглядывая на Берта и остальных. – Мы еще вернемся. – Ты только сначала не убей никого словами, – хихикает Лилиана. – А то тебя отчислят за угрозу моральному здоровью футболистов. Мы смеемся, и напряжение немного спадает. Но когда мы уходим от поля, я все равно чувствую на спине чей-то взгляд. Будто кто-то с поля проводит меня глазами, пока я не скрываюсь за деревьями. И почему-то я точно знаю, кто это

Глава 9

Глава 9. Кай Уже две недели прошло, а эта грёбаная учёба только мозги делает. Каждый день один и тот же цирк: заваленные бумагами препода, умничающие одноклассники, которые думают, что если их папочки чуть победнее моего, то они «сами всего добились». Смешно. Я сажусь за руль своей Феррари, пальцами лениво постукиваю по рулю. Красный лак сверкает в вечернем свете, мотор рычит, как зверь. Хотя что-то нормальное в этой жизни. Я выезжаю с парковки универа, даю газ чуть сильнее, чем надо. Машина рвётся вперёд, и на секунду шум двигателя затыкает мои мысли. Еду домой. Не к себе. К родителям. Точнее – в тот дом, который я давно перестал считать своим. Чем ближе к району детства, тем сильнее внутри поднимается раздражение. Всё знакомо до блевоты: те же дороги, те же дома, те же люди, которые в детстве косились на нас, когда отец начинал кричать на меня прямо во дворе, а потом пожимали ему руки – «строгий, но справедливый». Я усмехаюсь. Строгий. Справедливый. Дисциплина через унижение – вот его стиль. Подкатываю к дому, ставлю машину так, чтобы закрыть половину подъездной дорожки. Пусть бесится, что я «мешаю». Мне плевать. Глушу мотор, выхожу. Холодный воздух ударяет в лицо. Я на секунду задерживаю взгляд на фасаде дома. Всё тот же идеальный, безупречный, скучный. Как и он сам. Подхожу к двери, достаю ключ. Вздох. Раз. Два. Хватит тянуть. Открываю. Дверь даже не успевает до конца распахнуться, как сверху раздаётся радостный топот и звонкий голос, который настолько выбивается из всей этой серой картины, что у меня невольно дёргается уголок губ: – Каааай! Лола слетает с лестницы, как маленький комочек счастья. Белое платье подпрыгивает, пучок каштановых волос чуть растрёпан, щёки розовые. Она налетает на меня так, что я еле устою. Я автоматически подхватываю её под мышки и поднимаю. Она обнимает меня за шею с такой силой, будто пытается впиться

в кожу и держаться вечно. Чмокает меня в щёку быстро, с шумом. От неё пахнет ванилью и чем-то детским, приторно-сладким. – Я так рада, что ты приехал! Я так скучала! – тараторит она, почти захлёбываясь. Я чувствую, как внутри что-то сжимается, но я тут же это давлю. – Я тоже скучал, принцесса моя, – говорю я, голос упрямо смягчается, хоть я этого и не хочу. Я кратко прижимаю её к себе, вдохнув запах её волос. Единственное, что в этом доме вообще имеет смысл. И тут – как по сценарию – сверху раздаётся знакомый тяжёлый голос: – Съезвил ли появиться. Я медленно поднимаю взгляд. Отец стоит у входа в гостиную. Рубашка, дорогие часы, бокал виски в руке. Оценивает меня медленно, нагло, будто я не сын, а проблемная инвестиция, которая не оправдала ожиданий. Я опускаю Лолу на пол. – Лола, поднимись наверх, – говорю ровно, но твёрдо. – Я скоро приду. – Но я хотела... – она тянет меня за рукав. Я резко выдёргиваю руку. – Я сказал – наверх. Не спорь. Она вздрагивает, её глаза на секунду наполняются обидой, но она кивает. – Хорошо, брат... Она убегает наверх, прижимая куклу к груди так сильно, словно та её защитит. Тишина тянется несколько секунд. Я выпрямляюсь и иду в сторону отца, не торопясь. – Я пришёл увидеться с Лолой, – бросаю первым, чтобы не дать ему начать свою «лекцию». Он ухмыляется, делает маленький глоток из бокала, не сводя с меня взгляда. – Значит, если бы не она, ты бы даже не пришёл? – Ты же знаешь ответ, можешь не спрашивать, – я даже не делаю вид, что пытаюсь смягчить слова. В его глазах вспыхивает что-то вроде раздражённого интереса. Он делает шаг ко мне. – Ты стал таким грубым человеком, Кай, – медленно произносит он. – Серьёзно? – я усмехаюсь. – Ты сейчас играешь в удивление? Он чуть приподнимает бровь. – Воспитание, между прочим, тебе давалось хорошее. Дисциплина, сила воли, ответственность... – Не носи чушь, – перебиваю я. – Ты не воспитывал. Ты дрессировал. Он напрягается, пальцы крепче сжимают бокал. – Я делал из тебя мужчину. А не размазню. – Да, я помню, – киваю. – «Слабость не для мужиков», да? – Именно, – он усмехается. – И посмотри на себя. Богатый, самостоятельный, с машиной за несколько сотен тысяч. Не такой уж я и плохой отец, выходит. Я шагну ближе, почти вставая с ним нос к носу. – Богатым меня сделал не ты, – холодно говорю. – Ты только научил меня не чувствовать. Ни к тебе, ни к матери. Вот этим можешь гордиться. Он пару секунд молчит, зрачки сужаются. – Остынь, – хмуро бросает он. – Не в баре сидишь. – А ты не в своём офисе, чтобы тут приказывать, – отрезаю. Он шумно выдыхает, отставляет бокал на столик рядом, пальцами массирует переносицу. – Твоя мать будет рада тебя увидеть, – говорит уже ровнее. – Останься на ужин. Я фыркаю. – Я не голоден. И спектакль семейной идиллии меня не интересует. – Это не спектакль. Это дом, в котором ты вырос. – Вырос? – я усмехаюсь безрадостно. – Я отсюда не вырос – я отсюда сбежал. Есть разница. В его взгляде на мгновение мелькает боль, но он быстро её прячет. – Ты неблагодарный, Кай. – А ты – пустой, – отвечаю жёстко. – Ты всегда больше любил свою чёртову «репутацию», чем своих детей. Он делает шаг ко мне. – Следи за языком. – А если нет? Что сделаешь? – я смотрю прямо в глаза, в голосе откровенный вызов. – Ударить? Как раньше? Он замирает. Его челюсть напрягается. – Я тебя не бил. Я тебя воспитывал. – О, да, – хмыкаю. – Каждая пощёчина, каждый крик, каждое «мужчины не плачут» – охуенное воспитание. Помню, как ты заставлял меня стоять в углу часами, потому что я заступился за маму, когда ты на неё орал. – Хватит драматизировать, – резко обрывает он. – Жизнь – жёсткая. Я готовил тебя к ней. – Ошибаешься, – я холодно улыбаюсь. – Ты готовил меня к тому, чтобы я никогда не был похож на тебя. С этим справился идеально. Мы какое-то время молчим, просто сверля друг друга взглядами. В доме тихо, только тикают часы. Воздух густой, как дым. Он первым отводит глаза, берёт бокал снова. – Как учёба? – спрашивает сухо. – Отъебись, – отвечаю автоматически. Он вскидывает на меня взгляд. – Ты мне не докладываешь, ясно? – продолжаю я уже ровнее, но не мягче. – Как там в твоём мире – «я больше не обязан тебе ни хрена». Он шумно выдыхает, лицо каменеет. – С каждым годом ты становишься всё более невыносимым. – А с каждым годом мне всё легче без тебя жить, – бросаю. – Видимо, идём в правильном направлении. Я разворачиваюсь, не давая ему ответить, и иду к лестнице. – Кай, – звучит за спиной. Я

останавливаюсь, не оборачиваясь.— Что?Пауза.— Не травмируй Лолу своим цинизмом, — говорит он тихо. — Она ещё ребёнок.Я скриплю зубами.— Единственное, что я не дам тебе сломать — это её, — отвечаю так же тихо, но в голосе сталь. — Вот сюда даже не суйся.Не дожидаясь его реакции, поднимаюсь наверх.В комнате Лолы всё другое. Тёплое. Живое. Игрушки, книжки, рисунки на стенах. Здесь не чувствуется его холодного контроля. Будто маленький остров, где ему не дали всё задушить.Она сидит на кровати, перебирает платица куклы. Услышав, как я захожу, поднимает голову и тут же вскакивает:— Брат! — подбегает ко мне, сияя. — Смотри, мама купила моей кукле платье!Она поднимает куклу, на ней действительно новое платьице — голубое, в белый горошек, с бантом.Я смотрю на неё, и моё сердце будто вспыхивает. Вся злость на отца отступает куда-то на задний план.Я должен защитить её. От этого дома. От него. От всего.— Очень красивое, — киваю я. — Подходит твоей кукле. Как её зовут?— Лили, — гордо отвечает она. — Я сама придумала.— Лили, значит, — я усмехаюсь мягко. — Ну что, Лили повезло с хозяйкой.Она садится обратно на кровать, жестом показывает мне сесть рядом. Я опускаюсь, локти на коленях, смотрю на неё.— Брат, — вдруг серьёзно спрашивает она, — а ты когда-нибудь вернёшься жить к нам?Вопрос бьёт прямо в грудь.— Нет, принцесса, — говорю спокойно. — Я уже вырос. У меня своя жизнь.Она опускает глаза, пальцами нервно тербит платье куклы.— Но... ты же всё равно будешь приходить?Я перевожу взгляд снова на неё, кладу ладонь ей на макушку, слегка взъерошиваю её пучок.— Я обещаю навещать тебя, — говорю чётко. — Не его. Не её. Тебя.Она смотрит на меня, широко раскрыв глаза:— Обещаешь?— Обещаю, — твёрдо повторяю я. — И я свои обещания держу.На её лице снова вспыхивает улыбка.— Ура! — она обнимает меня за талию. — Тогда я не буду грустить.Я притягиваю её к себе, целую в макушку, потом в щёку.— Только будь умницей, ладно? — говорю тихо. — Никому не верь, если тебе говорят, что плакать — это слабость. Поняла?Она отстраняется чуть, удивлённо смотрит:— Но папа говорит...— Плевать, что он говорит, — обрываю резко, потом чуть мягче: — Ты — не он. И ты имеешь право чувствовать всё, что чувствуешь.Она немного не понимает, но кивает.Я поднимаюсь.— Мне пора, принцесса.— Уже?.. — в её голосе слышится разочарование.— Да, — я сжимаю кулак, чтобы не показать этого. — Но я приеду ещё. Скоро.— Точно?— Точно, — снова подтверждаю.Она кивает, прижимает куклу к груди.Я выхожу из комнаты, закрывая за собой дверь как можно тише. Спускаясь вниз, слышу тихий голос матери из кухни, запах её готовки. Я на секунду замираю, но потом сжимаю зубы и иду прямо к выходу.В коридоре стоит отец. Он опирается на стену, бокал уже пуст.— Уезжаешь? — хмуро спрашивает он.— А ты ждал, что я тут останусь ночевать? — я даже не смотрю на него.— Ты мог бы...— Не мог бы, — перебиваю. — Не здесь. Не с тобой.Я открываю дверь.— Не ломай ей жизнь своими визитами-набегами, — бросает он напоследок. — Она к тебе привязывается.Я оборачиваюсь, смотрю на него холодно.— Её жизнь сломаешь только ты, если продолжишь делать из неё ещё одну версию себя, — говорю тихо, но так, чтобы каждое слово резало. — Я хотя бы пытаюсь дать ей что-то нормальное.Он сжимает челюсть, но ничего не отвечает.Я выхожу, громко хлопаю дверью, спускаюсь по ступенькам, сажусь в Феррари. Мотор рычит, оживая.В зеркале я вижу дом. Холодный. Чужой. И одно окно наверху, из которого выглядывает маленькая фигурка в белом платье, прижимая куклу.Я коротко мигаю фарами, будто прощаюсь.Потом резко жму на газ и уезжаю, оставляя позади этот грёбанный дом, этого «отца» и всё, что они из меня пытались слепить.Ради Лолы я сюда ещё вернусь.Ради них — никогда.

Глава 10

Глава 10. АзалияЯ сижу на своей кровати и смотрю, как девочки мечутся по комнате. Вещи разбросаны повсюду: джинсы, платья, топы, туфли, какие-то блестящие тряпки. Они уже полчаса выбирают, в чём пойти в клуб «Океан».Я до сих пор не знаю, что на себя надеть.В голове вертится одна мысль: «Зачем я вообще согласилась?..»Лилиана уже вывернула весь свой гардероб. В отличие от Дины, у неё, как оказалось, тоже не так уж много коротких и откровен-

ных платьев. Больше нормальные, приличные вещи. – Так не пойдёт, девушки, – недовольно говорит она, оглядывая нас, как стилист перед модным показом. Она вдруг резко разворачивается к своему шкафу, открывает дальнюю дверцу и достаёт оттуда что-то чёрное. – Аза, иди сюда, – кивает она мне. Я подхожу ближе и вижу в её руках... это. Платье. Если это вообще можно так назвать. Чёрное, плотное, обтягивающее, по фигуре. Но посередине – как будто вырезана дорожка: ткань идёт параллельно с двух сторон, живот и часть груди фактически открыты, между линиями только тонкие перемычки. – Лили... – я глотаю. – Ты издеваешься? – Нет, – спокойно отвечает она, глядя на меня снизу вверх. – Это будет смотреться охуенно. – На ком-то другом, – бурчу я. – На тебе, – отрезает она. – Давай, примеряй. Я нехотя беру платье. Ткань прохладная, гладкая, слишком «дорогая» на ощупь для меня. Через пару минут я выхожу из ванной. Все разговоры моментально стихают. Я подхожу к зеркалу и замираю. Платье сидит, как влитое. Чёрный цвет делает кожу светлее, талию тоньше, фигуру – более... взрослой. Открытая середина заставляет чувствовать себя голой. – Боже мой, Аза... – выдыхает Дина. – Тебе так идёт! Она подсакивает ко мне, вытаскивает из своей сумки чёрные туфли на тонком, длинном каблуке. – Надевай, – говорит, уже почти приседая, чтобы сунуть их мне. – Вот теперь ты реально бомба. Я осторожно встаю в туфлях. Пятки сразу уезжают вверх, колени дрожат. – Я сейчас просто убьюсь в этих штуках, – шепчу. – Ты просто не привыкла, – отмахивается Дина. – Для начала тебе нужно хотя бы научиться идти до двери. Лилиана в итоге выбирает более спокойный вариант: простые синие джинсы, белый кроп-топ, сверху лёгкий чёрный пиджак. Волосы распускает, делает лёгкие волны. Дина же... сейчас выглядит так, будто она – лицо рекламной кампании какого-нибудь ночного бренда. Она натягивает красное платье, которое едва прикрывает бёдра. Оно обтягивает её фигуру так, что каждый изгиб бросается в глаза. Тонкие бретели, открытая спина, глубокое декольте. На её шее тонкая цепочка, на губах – яркая помада. – Ну что, – Дина поворачивается вокруг своей оси, – как вам богиня? – Ты не богиня, ты беда, – фыркает Лили, но улыбается. Мы садимся перед зеркалом. Я крашусь медленно. Дома я всегда старалась краситься по минимуму: чуть туши, лёгкий блеск, чтобы не привлекать внимания отчима. Чтобы не бесить. Чтобы не слышать мерзкое: «Ты для кого нарядилась, а?» Но сейчас... всё другое. Я делаю акцент на глазах. Тёмные тени, аккуратная стрелка. Глаза становятся глубже, ярче, опаснее. Губы крашу в нежный матовый нюдовый оттенок. Волосы собираю в аккуратный пучок, несколько прядей намеренно оставляю выбиваться у лица. На уши надеваю золотистые серьги-кольца. Мы троём подходим к зеркалу и встаём рядом. Три разные девушки. Три разные истории. – Если нас сегодня никто не подцепит, – вздыхает Дина, – я разочаруюсь в мужском поле окончательно. – Мне и так норм, – бурчу я. – Тебе вообще ненормально, – улыбается Лили. – Пошли уже. На улице нас уже ждёт Кевин. Он облокотился о свою машину, что-то печатает в телефоне. Увидев нас, поднимает голову – и замирает. Его взгляд сначала скользит по Дине, потом по Лили... и останавливается на мне. Глаза заметно расширяются. – Эм... – он моргает, выпрямляясь. Девочки садятся назад, шумно смеясь и перешёптываясь. Я уже тянусь открыть переднюю дверь, как Кевин поспешно обходит машину и сам распахивает мне её. – Прошу, – немного хрипло говорит он. Я чувствую, как щеки начинают предательски теплеть. – Спасибо, – тихо отвечаю и сажусь в салон. Он обходит автомобиль, садится за руль. Мы трогаемся. Поездка проходит в тишине. Только из колонок негромко играет какая-то западная песня, ритм давит в уши, немного раскачивает изнутри. В окне мелькают дома, вывески, витрины. Я смотрю вперёд и пытаюсь не думать. Не о клубе. Не о том, как на меня сейчас все будут пялиться. Не о прошлом. Мы подъезжаем к «Океану». Снаружи клуб выглядит скромнее того, в котором я работаю: не такой огромный, без гигантских экранов и очередей до дороги. Но неубитый: неоновые буквы, музыка слышна даже на улице, у входа толпятся люди. Мы выходим из машины. Холодный воздух сразу пробирает через ткань платья. – Замёрзла? – спрашивает Кевин, чуть наклоняясь ко мне. – Нормально, – вру. Мы заходим внутрь. Гул голосов, свет мигалок, музыка бьёт по телу, басы отдаются в груди и животе.

Я замечаю запах алкоголя, духов, дыма, всё смешивается в тяжёлый, но почему-то знакомый коктейль. Мы находим свободный столик чуть в стороне от танцпола. Садимся. Я чувствую, как на нас посматривают парни с соседнего столика. Кевин садится рядом со мной, чуть ближе, чем обычно. – Красиво выглядишь... – тихо говорит он, разглядывая меня. Мы все втроём – я, Дина и Лили – одновременно резко поворачиваем головы в его сторону. Он тут же смущённо кашляет: – Я... я имел в виду, вы все красиво выгляди... Дина и Лили взрываются смехом. – Бедный, – сквозь смех говорит Лили. – Так смутился. – Пойду... э... за напитками, – Кевин резко встаёт, будто спасаясь, и тут же уходит к бару. – Он неплох, – задумчиво протягивает Лили, глядя ему вслед. – Более чем, – подмигивает Дина. – Думаю, тебе бы с ним понравилось, Аза. – Мы с Кевином просто друзья, – выдыхаю я, слишком быстро. – А по нему так не скажешь, – фыркает Дина. – От одного твоего взгляда бедный чуть не расплавился. Я закатываю глаза и отворачиваюсь, нервно поправляя подол платья. – Итак, – радостно хлопает в ладоши Дина, – чтобы было весело... давайте сыграем в «Правду или действие». Меня тут же передёргивает. – Нет, – сразу говорю я. – Нет, спасибо. – Ну что ты как маленькая, Азалия, – вмешивается Лили. – Будет весело, согласись. – «Весело» – твоё любимое слово перед пиздецом, – бурчу я. – К тому же двое против одного, – улыбается Дина. – Мы уже за. К столу возвращается Кевин с подносом напитков. – Что-то случилось? – спрашивает он, замечая наш спор. – Мы хотим поиграть в «Правду или действие», а Азалия не хочет, – жалуется Дина. Кевин ставит стаканы на стол, садится рядом со мной. – Соглашайся, – чуть наклоняется он ко мне. – Думаю, будет весело. Я чувствую, как его плечо почти касается моего. Глотаю. – Ладно, – тихо киваю. – Только без жести. – Ура! – хлопает в ладоши Дина и сразу же уходит куда-то к бару. – Мне страшно, – шепчет Лили. – Мне тоже, – вздыхаю я. Через минуту Дина возвращается... с бутылкой и высоким бокалом. Я смотрю на прозрачную жидкость, и внутри что-то неприятно сжимается. – О, Господи, – вырывается у меня. – Это что, «Everclear»? – Кевин вскидывает брови. – Его здесь продают? – добавляет он с откровенным удивлением. – Как видишь, – самодовольно отвечает Дина. – Что за напиток такой? – спрашиваю я, хмурясь. – Это самый-самый крепкий алкоголь, – начинает объяснять Кевин, наклоняясь чуть ближе ко мне. – В некоторых штатах его вообще запретили, слишком сильно опьяняет. Выпьешь – и можешь такой бред нести, что потом стыдно будет вспомнить. Пару глотков достаточно, чтобы ты уже была не в себе. У меня по спине пробегает холодок. Зачем я согласилась?... Я нервно сглатываю, глядя на бутылку. И в этот момент к нашему столику направляются четверо парней. Я сразу узнаю один из силуэтов. Высокий, уверенная походка, руки в карманах, взгляд, который будто раздевает и одновременно бросает вызов всему пространству. Кай. Он идёт впереди, за ним Берт, Лео, и ещё один, которого я вижу впервые – темные волосы, серьги, холодный взгляд. Кевин вскакивает. – Капитан! – он тянется пожать руку Каю. – Я и не знал, что вы тоже здесь. – Место нормальное, – лениво отвечает Кай, даже не удосужившись улыбнуться. – Почему бы нет. Мы с Диной смотрим на них с одинаковым презрением. Кай скользит по нам взглядом, задерживается на мне. Его глаза на секунду вспыхивают, когда он видит моё платье. Челюсть едва заметно напрягается. И он, не спрашивая, садится напротив меня, на свободное место. Берт плюхается рядом с Диной, Лео – с другой стороны Кая, а тот новый парень садится сбоку, напротив Лили. – Присаживайся, Гектор, – кидает Кай тому. – Почему вы сели именно здесь? – не выдерживаю я. Кай лениво поворачивает голову ко мне. – Нам захотелось, – спокойно отвечает. – Есть какие-то проблемы? – Здесь полно других столиков, – я пытаюсь говорить уверенно. – Я хочу сидеть здесь, – отрезает он. – Прямо напротив. Я резко сдвигаю стул, собираясь встать. – Сядь, блять, на место, – его голос становится резким и низким, будто удар. – И сиди ровно. Я вздрагиваю. Лили рядом заметно дёргается, пальцы сжимаются в кулак. Этот человек опасен. Очень. Кевин садится обратно рядом со мной. Его голос едва слышим, когда он наклоняется к моему уху: – Они не уйдут, Аза. Поэтому... не провоцируй его. Если не хочешь проблем. Я чуть киваю, не сводя взгляда с бутылки на столе. Я чувствую, как взгляд Кая прожигает меня. Его кулаки сжаты

так сильно, что белеют костяшки.— Ладно! — резко говорит Дина, второй рукой прижимая к себе бутылку. — Раз уж нас тут так много, будет только интереснее. Больше людей — больше секретов!— Во что играем? — спрашивает Берт, заинтересованно усаживаясь удобнее.— «Правда или действие», — отвечает Дина, хищно улыбаясь.— Какие условия игры? — подключается Лео, потягиваясь.— Всё просто, — объясняет Дина. — Тот, кто отказывается отвечать на вопрос или отказывается выполнить действие — выпивает целый бокал «Everclear». У всех парней глаза резко расширяются. Видно, что они знают, с чем имеют дело.— Нормально ты так решила нас вырубить, — фыркает Лео.— Слабаки могут сразу уйти, — пожимает плечами Дина.— Хорошо, приступим, — неожиданно спокойно говорит Кай, забирая у неё бутылку. Мы убираем со стола всё лишнее. Остаются только бутылка и бокал. Сердце у меня начинает стучать чаще. Кай ставит бутылку посередине и крутит. Стекло шуршит по столу, все напряжённо следят за движением. Бутылка замедляется... и останавливается на Лили. Она тяжело выдыхает.— Лили, правда или действие? — первым спрашивает Лео, хищно прищурившись. Лили задумчиво смотрит на бутылку, на бокал, потом на нас.— Правда, — наконец произносит она.— Хорошо, — Лео облокачивается на стол. — Тогда скажи... ты девственница? Мы с Диной буквально задыхаемся.— Лео! — шипит Лили. Она вскидывает голову в его сторону, глаза расширены, пальцы судорожно сжаты. В её взгляде написано одно: «Как ты смеешь?» Она переводит взгляд на бокал. Секунда. Две. Потом молча берёт его и залпом выпивает. Мы с Диной в шоке смотрим, как наша подруга за раз осушает весь бокал.— Охренеть, — тихо произносит Берт. Лили ставит бокал на стол, выдыхает, глаза чуть слезятся.— Вот видишь, — лениво говорит Лео. — Кто-то относится к игре серьёзно.— Иди к чёрту, — хрипло отвечает Лили, но в голосе дрожь. Эти придурки загадать могут всё, что угодно. Я стараюсь не думать. Лилиана, чуть покачиваясь, берёт бутылку и крутит её. На этот раз горлышко останавливается на Кая. Отлично.— Правда или действие? — спрашиваю я, не давая другим вмешаться. Он поднимает на меня взгляд. В его глазах — уверенность, почти наглость.— Правда, — спокойно отвечает. Я сжимаю пальцы под столом.— Тогда скажи вот что, Кай, — я смотрю прямо в его глаза. — Правда ли, что за этим бесчувственным, грубым лицом ты прячешь кого-то... другого? Кого-то, кого не хочешь выпускать наружу. Я буквально кидаю ему эти слова в лицо. Он смотрит на меня так, будто я только что ударила его. На несколько секунд в его взгляде появляется что-то... другое. Настороженное. Кулаки у него сжимаются так сильно, что вены становятся видны. Тишина затягивается. Музыка будто отдаляется. Наконец он отводит взгляд и отвечает:— У каждого есть то, что его изменило, — медленно произносит он. — И, наверное, сколько бы ты ни хотела... во мне нет того хорошего человека, о котором ты говоришь, Азалия. Я с детства — дьявол. Мне не нравится его ответ. Слишком удобный. Слишком выученный. Но я лишь коротко киваю.— Как скажешь, — тихо говорю. Он берёт бутылку, крутит её. Теперь горлышко останавливается на Дине.— Моя очередь, — довольно говорит Берт, чуть подаваясь вперёд. — Правда или действие, красотка? Дина задумчиво щурится.— Правда.— Во сколько лет ты потеряла невинность? — сразу выпаливает он. — И кто этот бедолага?— Берт! — возмущённо вскрикивает она.— Правила игры, детка, — ухмыляется он. Дина секунду молчит, сжимая зубы. Потом берёт бокал и, не глядя ни на кого, заливает в себя весь «Everclear» разом. Она морщит нос, глаза закрывает, тихо выдыхает сквозь зубы:— Мразь...— Я слышал, — смеётся Берт. После двух человек бутылка снова оказывается у меня в руках. Я на автомате кручу её сама, даже не осознавая, что делаю. Стекло ползёт по столу, все всматриваются. И вот она останавливается. На мне. Сердце трепещет, как пойманная птица.— Наконец-то, — улыбка Кая становится шире. — Что ты выберешь, искорка?— Правду... — хрипло говорю я. Он чуть наклоняет голову набок, изучая меня.— Хорошо. Тогда скажи мне вот что, Азалия, — его голос становится холоднее. — Что за шрам у тебя на спине? Откуда он? Мир на секунду проваливается. Как он увидел?... Я же тщательно замазывала тоналкой. Даже Дина и Лили его никогда не видели. Девочки смотрят на меня в полном непонимании.— Какой... шрам? — шепчет Лили. Я делаю глубокий вдох. Потом ещё один. В памяти всплывает тот вечер. Запах дешёвых

сигарет. Глухой удар двери. Тяжёлые шаги. «Мне было тогда десять. Он пришёл домой злой, как никогда. Я дрожащими руками принесла ему сигареты. Пачку выронила. Две штуки скатились под диван. Ему этого хватило. Он усадил меня спиной к себе. Курил по одной. И каждую тушил об мою спину. Я считала – один, два, три... теряла счёт на пятом. Когда он потушил последнюю, начал бить ремнём за то, что я плачу. «Если ещё всхлипнешь – добавлю десять». Я молчала. До сих пор молчу». Горло сжимает. Воздух становится тяжёлым. Я беру бокал. Смотрю на прозрачную жидкость. И залпом выпиваю. Горло обжигает, глаза тут же наполняются слезами. Внутри всё горит. Кевин тут же наклоняется ко мне: – Ты в порядке? – его голос полон беспокойства. Я киваю, хотя всё внутри крутится. – Нормально, – выдавливаю. Я снова беру бутылку, пытаюсь отвлечься, и кручу. Стекло вертится. Музыка, смех, свет – всё будто расплывается. И бутылка снова останавливается... на мне. – Кажется, кому-то не везёт, – ухмыляется Лео. – Я так понимаю, ты снова выбираешь правду? – лениво тянет Кай. – Нет, – отсекаю я. – Действие. – Замечательно, – в его голосе проскальзывает опасная нотка. От напитка тошнит, голова чуть кружится. Я знаю: если выпью ещё один полный бокал, до выхода точно не дойду. Кай откидывается на спинку стула, смотрит на меня долгим, внимательным взглядом. Уголок губ поднимается. – Моё желание, – говорит он спокойно. – Я хочу, чтобы ты целый месяц убиралась у меня в особняке. Некоторые за столом прыскают от смеха. – Рабыню решил завести? – ухмыляется Лео. – Заткнись, – бросает Кай, не сводя с меня глаз. Я смотрю то на него, то на бутылку, то на бокал. От обоих тошнит – и от него, и от этого напитка. – Разве... – вмешивается Кевин. – Разве желание не должно быть выполнено прямо сейчас? – Это игра, – улыбается Кай, даже не поворачиваясь к нему. – Она выбрала действие. Если хочет отказаться – пусть пьёт. Он чуть толкает бокал ближе ко мне. Запах бьёт в нос, вызывая спазм в горле. Я беру бокал, подношу к губам, делаю один глоток... и чувствую, что сейчас просто вырву прямо здесь. Резко встаю. Стул царапает пол. – Я... в туалет, – бросаю и, не глядя ни на кого, прохожу мимо Кевина, чувствуя на себе прожигающий взгляд Кая. В дамской комнате пусто. Я влетаю внутрь, подбегаю к раковине и тут же выплёвываю всё в неё. Отцепляю бокал, ставлю его на край. Руки дрожат. Открываю кран, набираю в ладони воду, споласкиваю рот, потом пью прямо из струи, пока желудок не перестанет так яростно выворачиваться. Холодная вода немного отрезвляет. Я выпрямляюсь и смотрю на своё отражение в зеркале. Размазанная тушь в уголках глаз, щеки немного покраснелись, губы припухшие от алкоголя. Платье сидит слишком откровенно. Я делаю глубокий вдох. В этот момент дверь открывается и закрывается. Звук тяжёлых шагов отдаётся в пустом помещении. В отражении позади себя я вижу его. Кай. Он стоит, облокотившись о раковину напротив, руки в карманах, взгляд – тяжёлый, тёмный. Я резко разворачиваюсь и делаю шаг назад – каблук предательски едет, я почти спотыкаюсь, но не успеваю упасть. Он подхватывает меня крепкими руками, рывком притягивая к себе. Мой живот упирается ему в грудь, его ладони находятся на моей талии, сильно, почти болезненно сжимая. – Отпусти... – шиплю я, пытаюсь вывернуться. – Нет, – спокойно отвечает он, даже не моргнув. Я поднимаю глаза, встречаясь с его взглядом. Внутри всё сжимается. Этот человек – как хищник, который уже впился в добычу и даже не думает отпускать. – Что ты хочешь от меня? – выдыхаю. Уголок его губ поднимается. – Всё очень просто, искорка, – тихо говорит он, наклоняясь ближе к моему лицу. – Мне нужно твоё повиновение. Я хмурюсь, сжимаю зубы. – Никогда, – отвечаю я, глядя ему прямо в глаза. Его взгляд темнеет. – Не смей говорить мне это слово, – его голос становится ниже, опаснее. – Или последствия будут... плохими. – Например? – вызывающе спрашиваю я, хотя сердце стучит, как бешеное. Он наклоняется ещё ближе, так, что его дыхание обжигает мою кожу. – Ну, я могу сделать с тобой очень плохие вещи, – шепчет он, почти касаясь губами моего уха. – Которые тебе, возможно, и не понравятся. Хотя... – он усмехается. – Часто сначала не нравится, а потом привыкают. Я с силой упираюсь ладонями в его грудь, пытаюсь оттолкнуть. Он не двигается. Как стена. – Больше не носи такие открытые вещи, – рычит он, чуть сильнее сжимая мою талию. – Ты меня поняла? – Да кто ты такой, чтобы я тебя слу-

шала?! – срываюсь я на крик. – Возомнил себя тут... – Тише, – он сжимает мою талию ещё сильнее, мои лопатки упираются в холодный край раковины. Я чувствую боль в спине, напрягаюсь ещё сильнее. – Иди свои приказы своей девушке раздавай, – я плююсь словами от злости. – Которая тут почти полуголая ходит. Ты мне никто! Он резко придвигается ближе, полностью загоняя меня между собой и раковиной. Моя спина болезненно касается края, он удерживает меня стальными руками. – Не выводи меня, Азалия, – его голос опасно низкий. – Делай, как я говорю. – А если нет? – с вызовом спрашиваю я, хотя дыхание уже сбивается. Он наклоняется так близко, что между нами остаются сантиметры. – Хочешь испытать меня? – шепчет он. – Газуй. Но помни: за свой поступок я не отвечаю. Тебе может быть очень... обидно. Он медленно опускает взгляд на мои губы. И вдруг, не спрашивая, подносит свой язык к ним и легко, нагло облизывает. По телу, вопреки моей воле, пробегают мурашки. Я вздрагиваю, ярость смешивается с паникой. Резко поднимаю руку и со всей силы отвешиваю ему пощёчину. Глухой звук отзывается в тишине туалета. – Никогда больше не трогай меня! – кричу я, чувствуя, как внутри всё горит от унижения и страха. На его лице на секунду проступает шок. Потом – злость. Злая, тёмная, настоящая. Он рывком прижимает меня к себе ещё сильнее, почти впечатывая в свою грудь, и буквально срывается мне на губы. Поцелуй грубый, злой, собственнический. Не просьба – приказ. Не нежность – насилие. Я упираюсь, бью его кулаками в грудь, пытаюсь отвернуть голову, но он крепко держит мою челюсть. Я могу бороться только несколько секунд. Алкоголь, страх, его напор – всё

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.